

ЧС (Чув)

З-81

1743-к.

Золотницкий Н. И

Отрывки

из

Чувашско - русского словаря

составленного

Н. Золотницким

Казань.

В губернской типографии

1874.

Прежние тринадцать отрывков из
Словаря напечатаны в Казанских Губерн.
Ведомостях за 1871 г. (NN 78, 83 и 100),
за 1872 г. (NN 18, 36, 37, 45 и 57) и за
1874 г. (NN 25, 26, 32, 34, 36, 37, 39 и 41);
из них последние шесть вышли также
отдельною брошюрою в августе 1874 г.
Составляющие же настоящую книжку
три отрывка помещены в тех же
Ведомостях за 1874 г. (№ 58, 61, 63,
65, 67, 68, 70, 71, 74, 75, 78 и 81).

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЧУВАШСКО-РУССКАГО СЛОВАРЯ.

14. Чувашскія названія

БОГА, НЕБА И СВѢТИЛЪ НЕБЕСНЫХЪ,

сравненныя съ таковыми же названіями у другихъ народовъ.

Богъ по-чувашски *Тора, Тура, Тор'*. Сбоевъ замѣтилъ, что чувашское названіе «*Тора*» не имѣетъ никакой связи съ скандинавскимъ *Тор'*омъ, хотя многимъ хочется вывести отсюда доказательство финскаго происхожденія Чувашъ, не смотря на то, что Норманны, у которыхъ точно былъ богъ *Торъ*, и Финны, вовсе незнавшіе *Тора*, отнюдь не одно и тоже; скорѣе въ чувашскомъ *Торъ* можно слышать отголосокъ монгольско-татарскаго *Тангри, Тари*» ¹⁾.

И дѣйствительно, у тюркско-монгольскихъ племенъ Богъ называется: по-тюркски *Таре*, по-монгольски, туркменски, уйгурски и татарски *Тѣнре, Тенри, Тенгер*, по-киргизски *Тангри*, по-якутски *Тангара: Аѣ*—Богъ, какъ источникъ творенія, *Аѣ-Тангара*—Высшее Божество ²⁾.

Кромѣ того употребляются у Татаръ арабское *Алла* и персидское *Ходай*, у Киргизъ и Алтайцевъ *Худай* ³⁾.

У финскихъ же и сибирскихъ народовъ Богъ: по-финско-куопіоски *Юмала*, по-эстонски *Юмал*, по-черемиски горн. *Юма*, лугов. *Юмо*, по-вотяцки *Имар*, по-зырянски и пермяцки *Йен*, по-мордовски у Эрзи *Пас*, у Мокши *Шкай*, по-тунгузски *Шеваки*. Только по-вогульски слышится въ названіи Бога созвучіе съ чувашскимъ:

¹⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 101.

²⁾ Якутско-нѣмец. Словарь Бетлинга, стр. 7.

³⁾ Персидское *Худа, Худай* состав. изъ *худ* самъ и *а* или *ай* приходящій, т. е. *самосуиій, само-проявляющійся*. См. «Сравн. Словарь тур. тат. нарѣчій» Л. Будагова, т. I, стр. 530.

у дикихъ Вогулъ при р. Лозвѣ—*Тоорм*, а въ другихъ мѣстностяхъ—*Торм*, *Тором*, *Тарм*, *Таром* ⁴⁾, или *Нума-Тырым* ⁵⁾, и то, впрочемъ, первая половина послѣдняго названія—*Нума* созвучна съ черемисскимъ *Юма*.

Небо по-якутски, также какъ и Богъ, *танара* ⁶⁾, по-алтайски *тенгере*, по-кондомски *тегри*; у Монголовъ пишется *тегри*, а произносится *тегри*—небожитель; «въ древности тюрко-монгольскія племена боготворили небо—*тегри*» ⁷⁾. О названіи *Тенгри*—Богъ, Будаговъ замѣчаетъ: «слово это означаетъ небо въ переносномъ значеніи, т. е. духъ всеобъемлющаго неба, и сходно съ китайскимъ *thiän*, небо, *thiänly*, татарское *танге ratio coeli*—разумъ небесный, предвидѣніе; небо матеріальное по-турецки *кѣк* собственно голубое, такъ и Монголы называютъ небо матеріальное, а не духовное *въчное*» ⁸⁾.

Небо матеріальное по-татарски также—*кѣк*, по-киргизски и джагатайски—*кѣк*, по-турецки и азербиджанскі—*йѣк*, *йѣй*. Слова же: алтайское *кѣк*, якутское *кѣѣх*, монгольское *кѣке*, лугово-черемисское *кѣк* и венгерское *кѣк* значать только голубой. Небо—твердь по-чуваши *квак* (равн. татар. *кѣк*) синее, голубое; отсюда *квак-хон-ни* миганье неба (собственно: рѣсницы тверди)—метеоръ въ видѣ раскрытія неба на мигъ.

Громъ, какъ сказано прежде, олицетворяется у Чувашъ въ видѣ дѣда (*Аслъ-ади*, *мун-ази*), а у Татаръ-старокрещенъ—въ видѣ неба-дѣда (*тайнге-бабай*) ⁹⁾.—Въ молитвословіи Алтайцевъ Творецъ вселенной называется *Царь-небо: Каан тенгере...* «Ты, который находишься на высотѣ, Абыяшъ (*абиашъ*—дѣдъ) *Царь-небо!* произведшій на землѣ траву, на деревьяхъ возрадившій листья, на икрахъ (ногъ) сплет-

⁴⁾ «Путешествіе къ Вогуламъ» Н. Сорокина, стр. 35, въ Трудахъ Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. III, № 4.

⁵⁾ «Св. Стефанъ Первосвятитель Пермскій» П. Д. Шестакова, стр. 21, въ «Ученыхъ Запискахъ» Казанскаго Университета 1868 г.

⁶⁾ Якутско-нѣмец. Словарь Бетлинга, стр. 90.

⁷⁾ Алтайско-русс. Словарь, стр. 263.

⁸⁾ Словарь Будагова, т. I, стр. 370.

⁹⁾ См. 9-й отрывокъ изъ Словаря, Каз. Губ. Вѣд. № 32—1874 г.

шій мышцы, на головѣ возрастившій волосы, *Творецъ всего созданнаго!*». При этомъ нужно замѣтить, что словомъ *Каан* переводится русское «Господи!»: *Е Каан!*.. «Господи! низложи въ помощь мнѣ благодать Твою» и пр. Поэтому вышеприведенное: *Каан тегере* можно переводить «Господи-небо!». Другая молитва, обращенная къ Богу, начинается воззваніемъ: *Јайаганды јайачы! јазаганнын Тегере!* «Творецъ созданнаго, Небо, все устроившее!» а далѣе во всей молитвѣ *Богъ* называется просто: *Кудай* ¹⁰⁾.

У финскихъ народовъ небо называется: по-финско-куопіосски—*тайвас*, по-эстонски—*таевас*, по-мордовски—*менель*, по-вотяцки—*Ии*, или *юудто-Иимар*, по-зырянски и пермяцки—*Йен-вельт*, по-черемисски—*поль-Гом*: здѣсь въ послѣднихъ трехъ названіяхъ прибавки *Йен*, *Гом* и *Иимар* указываютъ на отношенія неба къ Богу. Наконецъ у дикихъ Вогуль какъ *Богъ*, такъ и *небо* называются совершенно одинаково—*Тоорм* (см. выше): «отличія у нихъ (Вогуль) между небомъ и Богомъ, какъ видно, нѣтъ»—замѣчаетъ г. Сорокинъ ¹¹⁾.

«Для послѣдователей *шаманства* или *черной вѣры* высочайшимъ существомъ представляется *небо*, которому подчинены всѣ духи, за нимъ слѣдуютъ: земля, солнце, луна, звѣзды, горы, рѣки и все необыкновенное. Между небомъ и землею стоятъ созданные небомъ духи, которые, по своему желанію, причиняютъ человѣку добро и зло» ¹²⁾.

Изъ вышеизложеннаго и по многимъ признакамъ можно заключать, что у Чувашъ слово *Тора*, какъ и у Черемисъ *Юмо*, *Юма*, первоначально въ древности означало *духовное небо*, которое они боготворили. На это, между прочимъ, указываетъ отсутствіе въ чувашскомъ и черемискомъ нарѣчіяхъ названія неба въ *духовномъ* смыслѣ, такъ какъ слова чуваш. *пѹльт* и черемис. *пѹль* вовсе не выражаютъ понятія о небѣ *духовномъ* ¹³⁾.

¹⁰⁾ Грамматика алтайскаго языка, 1869 г., стр. 147, 121, 122, 123.

¹¹⁾ «Путешествіе къ Вогуламъ», стр. 35.

¹²⁾ Всеобщее Землеописаніе по плану Бланка, передѣл. и дополн. Дистервегомъ, т. III, стр. 67.

¹³⁾ Чувашское *пѹльт* есть турецкое *булт*, *бѹлт*, татарское *болот*, уйгурское и киргизское *булт*, якутское *былт*, алтайское *пулт*, персидское *вельт* и значитъ:

Но слово *Тора*, у Чувашъ нашего времени, не составляет имени *единого* вѣчнаго, истиннаго *Бога*, Творца и Владыки вселенной; оно придается къ именамъ многихъ небесныхъ и земныхъ божествъ. По мнѣнію Сбоева, «у Чувашъ первоначально господствовалъ чистый дуализмъ, состоявшій въ поклоненіи *Торъ* и *шайтану*. *Тора* былъ богъ добра и свѣта; мѣстожителства его—высочайшая область свѣта. Въ областяхъ какъ добраго, такъ и злаго бога были духи служебные. Изъ нихъ—то Чуваша въ послѣдствіи времени сдѣлали особенныя, самостоятельныя божества. Такимъ образомъ изъ единого добраго бога составилось нѣсколько боговъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одно какое-либо свойство прежнаго, единого добраго божества, и каждый носилъ названіе *Тора* съ прибавленіемъ свойства, имъ представляемаго. Къ этимъ божествамъ присоединились потомъ и обоготворенныя силы природы и за ними напослѣдокъ явились боги-покровители полей, домовъ, лѣсовъ, урочищъ и проч. Все это было *регрессивнымъ* движеніемъ народа въ развитіи религіозномъ». ¹⁴⁾ Неизвѣстный авторъ Сѣвернаго Архива замѣчаетъ, что, «по словамъ престарѣлыхъ чувашскихъ жрецовъ, вселенная и стихіи не сотворены никѣмъ, а суть *вѣчно пребывающія и непостижимыя*» ¹⁵⁾. По этому вѣрованію сама вселенная была *Тора*. Въ другомъ мѣстѣ Сбоевъ говорить, что «когда изъ дуализма образовалась система многосложнаго политеизма, то почти каждому изъ главныхъ

облако, туча; отсюда чувашское *пӱльмӱ*, татарское *болотло*—облачный, пасмурный. *Пӱль* созвучны однозначащія: финско-куопіосское *пильви*, вотяцкое *пылэм*, мордовское *пель* и черемисское *пӱль*.—Въ переводахъ прежняго времени съ русскаго на чувашскій языкъ «небо» вездѣ переводилось словомъ *пӱльть*, напр.: «*хужъ пюльтъ синьче борнадынь*» (1803 г.), «*пюльтсамъ синьче борнза тураганъ*» (1820 г.), «*пюльтъ синьчи борнаганъ*» (1832 г.), что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «на облакѣ, на облакахъ живущій». По этому въ позднѣйшихъ переводахъ «небо» выражается словами: *сӱльди сьутъ-сьандалыкъ* «вышній міръ». *Сьандалыкъ* (черем. *сандаликъ*) есть персидское *джиданъ* міръ, вселенная.

¹⁴⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 101 и 102.

¹⁵⁾ Сѣвер. Арх. 1827 г. ч. 27, стр. 216.

боговъ Чуваши стали приписывать созданіе той или другой части вселенной. Такъ *Сюльди-Тора* сотворилъ звѣзды и небесное жилище боговъ, *Сюдъ-Тунзы-Тора* создалъ свѣтъ (?), *Хвель-Тора*—солнце, *Оихъ-Тора*—луну, *Силь-Тора*—вѣтеръ и т. д.»¹⁶⁾ Поэтому объясненію *Тора* значитъ «Творецъ, Создатель», а прибавленное къ словамъ *перегетъ* изобиліе, *свол* дорога, *вурман* лѣсъ—означаетъ «податель, покровитель, хранитель».—Риттихъ, признавая происхождение языческой религіи Чувашъ отъ Зороастра и полагая, что она у Чувашъ «осталась безъ всякихъ прикрасъ со времени ея принятія», находитъ приведенное мнѣніе Сбоева «невѣрнымъ, такъ какъ второстепенные боги входили цѣликомъ въ Зороастрово ученіе и перешли съ тѣми же свойствами, подъ другими названіями, въ чувашскую религію, причемъ общее названіе бога—*Тора* дается всѣмъ, съ прибавленіемъ только главнаго качества этого бога».¹⁷⁾

Въ книгѣ Сбоева (стр. 102) находится весьма замѣчательное указаніе на то, что у Чувашъ «*Сюльди-Тора* есть властитель и распорядитель всего надзвѣзднаго, духовнаго міра; съ земнымъ же онъ сообщается иначе, какъ чрезъ посредство другихъ небесныхъ боговъ». Но у него, Сбоева, какъ и въ большей части другихъ описаній религіозныхъ воззрѣній шаманствующихъ инородцевъ, не выяснены тѣ убѣжденія, изъ которыхъ возникло вѣрованіе во второстепенныхъ боговъ—посредниковъ между людьми и Богомъ. Находя такое объясненіе въ описаніи вѣрованій Пермлянъ-язычниковъ, считаемъ необходимымъ выписать его здѣсь.

«Пермяне имѣли нѣкоторое понятіе о единомъ Великомъ Духѣ, Создателѣ неба и земли. Это невидимое и непостижимое божество извѣстно было подъ именемъ *Виш*. Онъ обитаетъ на небесахъ и заботится только о надзвѣздномъ мірѣ; онъ покровитель и защитникъ добрыхъ, точно такъ, какъ Юмо Черемисъ—благое существо, первый сотворилъ міръ и человѣка и управляетъ вселенною. Въ кругъ попеченій *Виш* не входитъ видимый міръ, управленіе которымъ онъ ввѣрилъ разнымъ духамъ, своимъ

¹⁶⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 126, 127.

¹⁷⁾ Матеріалы для этнографіи Россіи «Казанская губернія», ч. 2, стр. 82, 83.

чадамъ. Люди недостойны возсылать къ нему молитвы, недостойны обременять его своими прошеніями, но должны обращаться къ чадамъ его, духамъ и идоламъ, управляющимъ землею. Низшихъ духовъ, управлявшихъ міромъ отъ имени Великаго Духа, было такое множество, что ими наполнены были воды, лѣса, камни и даже огонь». ¹⁸⁾

Это объясненіе, основанное на «Сказаніи о жизни и трудахъ св. Стефана Епископа Пермскаго» ¹⁹⁾, поразительно близко подходит къ описанію господствовавшихъ въ Аравіи, предъ Мохаммедомъ, идолопоклонства и сабіизма или зрѣздопочитанія, изложенному по знаменитому изслѣдованію профессора Хвольсона. ²⁰⁾

«По *Сабіизму*—говоритъ Хвольсонъ—Богъ слишкомъ возвышенъ и великъ, чтобы Ему непосредственно заниматься управленіемъ этаго (земнаго) міра, почему Онъ передалъ (обыденное) управленіе этимъ міромъ богамъ (нисшимъ, Имъ же сотвореннымъ небеснымъ существамъ, пребывающимъ въ *звѣздахъ*), для Себя же удержалъ только важнѣйшія дѣла; а далекій (отъ Бога) человѣкъ слишкомъ слабъ (не совершенъ), чтобы непосредственно обращаться къ Всевышнему, почему и долженъ относить свои молитвы и жертвы къ посредствующимъ божествамъ, которымъ управленіе міромъ ввѣрено (Самимъ) единымъ Всевышнимъ. Это и есть, по арабскимъ писателямъ, основная мысль Сабіизма и почитаніе этихъ посредствующихъ божествъ въ планетахъ, которыя обитаемы и одухотворены этими божествами, а также почитаніе идоловъ (*фетишизмъ*), какъ представителей этихъ божествъ, есть только (прямое и естественное) слѣдствіе этаго основнаго понятія Сабіизма». Въ то же время Аравитяне чтили еще *идоловъ*. Но, по собственному ихъ толкованію, идолы эти не считались въ сущности богами, а чтимы были только какъ изображенія и представители свѣтилъ небесныхъ. «Представлять себѣ—говорили Аравитяне—духовныя существа, этихъ нашихъ посредниковъ съ Богомъ, направлять себя и приближаться къ нимъ можемъ мы только

¹⁸⁾ П. Д. Шестакова, «Св. Стефанъ первосвятитель Пермскій», стр. 20, 21, 22.

¹⁹⁾ Архимандрита Макарія. Спб., 1856 г., стр. 49.

²⁰⁾ Die Sabier und der Sabismus von D. Chwolsohn, edit. 1856.

посредствомъ ихъ жилищъ, которыя суть звѣзды: эти же послѣднія въ одно время видны, а въ другое не видны— вслѣдствіе ихъ движенія видимы въ ночи и скрываются днемъ:—такъ (что) мы не можемъ чрезъ нихъ (всегда) приближаться и устремляться къ духовнымъ ихъ существамъ. Поэтому необходимы ихъ образы и фигуры, которыя бы существовали и стояли (постоянно) предъ нашими глазами. И вотъ мы почитаемъ эти изображенія и стараемся чрезъ нихъ приблизить себѣ (т. е. всегда имѣть предъ глазами и представлять въ своемъ сознаніи) свѣтила небесныя и спускать себѣ доступъ къ нимъ, чтобы эти обитатели (звѣзды) приблизили къ намъ духовныя существа (обитающія въ нихъ), а эти въ свою очередь чтобы приблизили къ намъ Бога» ²¹⁾.

Замѣчательно, что у Пермянъ—язычниковъ,—вмѣстѣ съ понятіемъ о единомъ Верховномъ Существѣ и при одинаковомъ съ арабскимъ сабинизмомъ воззрѣніи на значеніе существъ посредствующихъ—духовъ,—существовалъ также и фетишизмъ, основанный, быть можетъ, на тѣхъ же убѣжденіяхъ, какъ и фетишизмъ арабскій, т. е. что пермянскіе идолы о которыхъ помянуто выше и изъ которыхъ два извѣстны даже по именамъ: это—*Вопель* и *Золотая-Баба* ²²⁾ были чтимы только какъ представители духовъ невидимыхъ, обитавшихъ (вмѣсто арабскихъ звѣздъ) въ водахъ, лѣсахъ, камняхъ и даже въ огнѣ.

Не менѣе любопытно религіозное состояніе Якутъ. Они крещены, но исполняютъ только внѣшніе христіанскіе обряды. Слово *Танара*, означающее, какъ сказано выше, и Богъ и небо, у нихъ присоединяется къ названіямъ предметовъ христіанской религіи ²³⁾. Въ то же время шаманъ—

²¹⁾ «Первоначально-Богооткровенная истина единства Божія въ древней до-мохаммеданской религіи Аравитянъ» Е. Н. Воронецъ. 1873 г.; стр. 89, 90, 91, 92.

²²⁾ П. Д. Шестакова «Св. Стефанъ первосвяtitель Пермскій», стр. 22.

²³⁾ *Танара јйтѣ* (божій домъ) церковь; *танара аса* (божья пища) Тайная вечеря, Святые тайны, причащеніе Св. таинъ; *танара кун* (божій день) праздникъ; *танара кунѣ* воскресный день; *Танара тиллибит кунѣ* Воскресенія день—Пасха; *танара суруга* свящ. писаніе. Якутско-нѣмец. Словарь Бетлинга, стр. 90.

ство у Якутъ господствуетъ въ полной силѣ; шаманы ихъ (*ојун*) также имѣютъ сообщеніе съ духами, исполняютъ тѣже обряды, какъ шаманы Тунгузовъ, Бурятъ и Минусинскихъ шаманствующихъ Татаръ (*кам*). При этомъ Якуты «признаютъ Бога-Творца *Арѣ-Тоенѣ* т. е. чистый господинъ, жену его *Кубей-Хатунѣ* т. е. почтенная госпожа, бога грома и молніи *Сурдяхъ-Сюе-Тоенѣ* т. е. страшный топоръ; кромѣ того они допускаютъ *угодника* или *ходатая* за нихъ у Бога—*Жесюгэй-Тоенѣ* и жену его *Айсыйтѣ* т. е. подательница» ²⁴). «Сверхъ того каждый родъ имѣетъ своего особаго *заступника* или *ходатая*. Его представляютъ подъ видомъ бѣлогубаго жеребца, ворона, лебедя, сокола и пр. и этихъ животныхъ не употребляютъ въ пищу. Въ юртахъ имѣютъ они *деревянныхъ болванчиковъ* съ корольковыми глазами, обшитыхъ берестою; но этимъ пенатамъ поклоненія никакого не дѣлаютъ, а когда ѣдятъ говядину, то всю рожу у нихъ вымазываютъ жиромъ» ²⁵).—Итакъ у крещеныхъ и въ тоже время шаманствующихъ Якутъ, при одинаковомъ названіи Бога и неба, вмѣстѣ съ почитаніемъ Верховнаго Существа, признаются, какъ въ сабізмѣ, невидимые общіе и родовые посредники, изъ коихъ послѣдніе обитаютъ (вмѣсто звѣздъ) въ разныхъ животныхъ, и существуетъ фетишизмъ

²⁴) Н. Щукина «Поѣздка въ Якутскъ», изд. 1844 г., стр. 276.—По якутско-нѣмец. Словарю Бетлинга: *Ар*—наилучшее въ своемъ родѣ (стр. 8), *Тојон*—господинъ (97), *Ар-Тојон*—Высшее Божество (8), равн. *Ајы-Тагара* (7) и *Ар-Ајы-Тојон* (8, 97). *Хотун* (*хатын*)—госпожа (86), *Күбэй-хотун*—имя богини (73); по Словарю Будагова: «У Якутовъ *Күлэй-хатун*—свѣтлѣйшая женщина—жена Творца міра, которая, по ихъ вѣрованію, явилась предкамъ въ видѣ лебедя» (т. I, стр. 524). *Сурдяхъ*—страшный (173), *Сүдэй*—топоръ, *Сүдэй-тојон*—второй изъ трехъ главныхъ боговъ, имя бога грома (172). *Джүсүн*—видъ, образъ (125; ? киргиз. *Јасаган*—творецъ). *Ајысыйт*—творецъ (7).

²⁵) «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 276.—Болванчики должны быть шаманскіе *онгоды*—домашніе боги, къ которымъ относятся съ наименьшимъ почитаніемъ и за недоброжелательство стегаютъ плетью ихъ изображенія. Всеобщ. Землеописаніе Бланка, т. III, стр. 67.

въ видѣ деревянныхъ болванчиковъ—вѣроятно какъ постоянныхъ представителей посредствующихъ духовъ.

Затѣмъ, на шаманскихъ бубнахъ Минусинскихъ Татаръ изображаются «добрые духи—*тосъ-торы*, покровительствующие человѣку; они ѣздятъ на рыжихъ *языкахъ*—священныхъ имъ лошадяхъ, чтобы скорѣе исполнять просьбы и приказанія шамана и оказывать добро страждущему человѣку» ²⁶⁾.

Считая вышеприведенныя указанія достаточными для объясненія того, откуда произошло вѣрованіе въ боговъ второстепенныхъ у Чувашъ, какъ послѣдователей *шаманства*, скажемъ еще, что вообще послѣдователи этой, такъ называемой *черной вѣры*—Самоѣды, Остяки, Буряты, Якуты, Телеуты, Тунгузы и жители острововъ Тихаго океана,—«признаютъ Высшее Существо, Творца міра, которое не вступаетъ въ отдѣльные поступки человѣка: правленіе міромъ и судьбою людей находится въ рукахъ второстепенныхъ боговъ» ²⁷⁾.

Такимъ образомъ у Чувашъ Высшее Существо есть **Тора**—Богъ и небо въ духовномъ смыслѣ. Ему придается предикатъ *Сѣльди*—Вышній. Онъ Творецъ и Податель всѣхъ благъ и въ этомъ смыслѣ называется: *Ыра Тора* добрый Богъ, *сьорт сьорадаган* Тора податель строеній, *ывыл-хйръ сьорад*. Т. податель дѣтей, *тыра-бол сьорад*. Т. податель всякаго хлѣба, *выльых-чирьлих сьорад*. Т. податель всѣхъ домашнихъ животныхъ, *мол сьорад*. Т. податель богатства, *хорт сьорад*. Т. податель пчелъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ же и каратель зла; въ молитвахъ упоминается: *Тора ханре* гнѣвъ Божій, *Тор' сьоли* бичъ Божій, *Тор' иньеги* наказанье Божеское.

Къ названіямъ второстепенныхъ боговъ—посредниковъ слово *Тора* прибавляется въ томъ же смыслѣ, какъ якутское *тојон* господинъ ²⁸⁾.

²⁶⁾ Журн. «Нива» 1871 г. «Шаманство».

²⁷⁾ Настольный Словарь Толля, т. III: «Шаманизмъ».

²⁸⁾ У Черемисъ къ названіямъ второстепенныхъ боговъ прибавляются *юма* и даже *кого-юма*—богъ, великій богъ, *кучэн-урдаша*—управитель, *хан*—владыка и *озошка*—вдовецъ.—Риттиха «Казанская губернія», ч. 2, стр. 169—171. —*Хан*—очевидно турецко-персидское *хан*—повелитель;

Какъ на видимого представителя посредствующаго божества у Чувашъ здѣшняго (казанскаго) края можно бы указать на **йирих** (у крещеныхъ изъ Татаръ Чувашъ ²⁹⁾ *йырых*). Сбоевъ называетъ **йирих** «божествомъ, насылающимъ на людей разныя наружныя болѣзни. Кого постигаетъ такая болѣзнь, тотъ долженъ принести **йирих**» у въ жертву кисель и нѣсколько ягнятъ по назначенію йомзи. У одного изъ ягнятъ отнимаютъ голову и кладутъ ее въ особый *кузовъ*, который вѣшается въ углу анбара, украшается разными вѣтвями, блесками и мелкими серебряными деньгами, и который называется также **йирих**-омъ и служитъ предохранительнымъ средствомъ отъ вышеупомянутыхъ болѣзней» ³⁰⁾. **Йирих**-омъ же называются у Чувашъ металлическія пластинки, вѣшаемыя на разные предметы въ видѣ *посвященія*. Такъ, по словамъ Палласа и Георги, **йирих** есть пучекъ вѣтвей шиповника, на который привѣшивается кусочекъ олова, а по описанію г-жи Фуксъ, **йирих**—кусочекъ олова, привѣшенный къ рябиновой вѣткѣ, въ чемъ хотя Сбоевъ и не соглашается съ г-жею Фуксъ, но правда, въ этомъ случаѣ, остается на ея сторонѣ. Здѣсь Сбоевъ говоритъ, что «**ирихи** были просто *кадки* или *кузова*, поставлявшіяся или вѣшавшіяся въ углу анбаровъ и наполнявшіеся костями *принесенныхъ въ жертву животныхъ*» ³¹⁾.

Но на **йирих**, или *йырых*, какъ по существу его, такъ въ особенности по названію, нельзя смотрѣть какъ на божество, хотя бы низшаго разряда. Правда, онъ въ нѣкоторой степени намекаетъ на домашній *фетишъ* т. е. идола, но имѣетъ настоящее значеніе «посвященія»: такъ у Минусинскихъ Татаръ, какъ сказано выше, добрые духи ѣздятъ на *изыкахъ*—*посвященныхъ* имъ лошадяхъ, у Алтайцевъ *ййикъ*—животное *посвященное* на жертву ³²⁾ и у Якутъ слово *ытык* значить: чтимый, священ-

слово же *овошка* хотя у Черемись и употребляется въ значеніи *вдовецъ*, но оно заимствовано у Чувашъ и собственно значить *старикъ* (чуваш. *обышка*; у Черемись *б* между гласными выговаривается в).

²⁹⁾ См. 1-й отрывокъ изъ Словаря.

³⁰⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 124, 125.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 22, 23.

³²⁾ Алтайско-русскій Словарь, стр. 161; Словарь Будагова, т. II. стр. 387.

пый, посвященный³³⁾, а известно, что тюркскіе звуки э, j, й и якутскій т переходять въ чувашскій р, а к—въ х; корнемъ же этаго слова слѣдуетъ признать тюркскій глаголь—из, кондомскій—ыс, алтайскій—ій, якутскій—ыт и чувашскій—йар (яр) «посылать»³⁴⁾.

Около 1870 г. бывшимъ учителемъ школы въ дер. Маслоуѣ (чебокс. уѣзда, тюрлем. прихода) чувашиномъ Андреемъ Егоровымъ обнаружена, въ анбарѣ отставнаго солдата-чувашина, заведенная симъ послѣднимъ доска, увѣшанная полотномъ, серебряными деньгами (нохрат) и другими приношеніями. Доска эта учредителемъ ея названа Мелим-хузи³⁵⁾ и имѣла значеніе общественнаго йирих'а, такъ какъ Чуваша издалека приходили на поклоненіе ей. Учредитель позаботился даже составить этой святыни особую краткую молитву³⁶⁾, одна фраза которой довольно ясно обличаетъ корыстную цѣль учрежденія: «Мелам-хузи, сырлах мана! Киве кѣмѣль нохрат парня барамъ»—Мелим-хузи, помилуй меня! Я дамъ въ подарокъ (тебѣ) монету стариннаго серебра (т. е. чистаго, а не новаго—размѣннаго?!). Подобныя святыни, или посвященія, можетъ быть, находятся или были у Чувашъ и въ другихъ мѣстностяхъ, но объ нихъ мы ничего не знаемъ.

Недавно получено свѣдѣніе, что будто бы Чуваша оренбургскаго края, кромѣ того, что ходять для моленія и

³³⁾ Якутско-нѣмец. Словарь Бетлинга, стр. 30.

³⁴⁾ См. «Замѣтки для ознаком. съ чувашск. нарѣчіемъ», §§ 21, 22, 26 д. и при Словарѣ Краткую таблицу измѣненія звуковъ. Для наглядности же измѣненія звуковъ поставимъ здѣсь всѣ приведенныя слова и корни ихъ буква подъ букву:

у Чувашъ.....	йи	р	и	х.....	йа	р	и
— Чувашъ изъ Татаръ...	йы	р	ы	х.....	—	—	—
— Минусин. Татаръ.....	и	з	ы	к.....	и	з	ш
— Алтайцевъ.....	і	й	і	к.....	і	й	о
— Якутъ.....	ы	т	ы	к.....	ы	т	п

³⁵⁾ Ма'люм-Ходжа—одинъ изъ магометанскихъ шейховъ; могила его на вершинѣ горы въ Билярскѣ. См. «Булгаръ на Волгѣ» И. Березина, 1853 г., стр. 89.

³⁶⁾ Подробное описаніе Мелим-хузи и молитва ему находятся въ приготовляемой къ изданію статьѣ В. К. Магнитскаго «Чувашскіе праздники и молитвословія».

жертвоприношеній въ киремети, имѣютъ въ домахъ *деревянныхъ болванчиковъ*. Если это вполне справедливо, то здѣсь уже очевидно, какъ у Пермлянъ, Якутъ и другихъ послѣдователей шаманства, смѣшеніе черной вѣры съ идолопочитаніемъ, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ къ шаманству такое же отношеніе, какъ арабскій фетишизмъ къ сабіизму и потому не можетъ быть признаваемо прямымъ идолопоклонствомъ или идолослуженіемъ.

Наконецъ, какъ крещенные Татары здѣшняго края слово *тари* (тюркское *Таре*—Богъ) исключительно относятъ къ образамъ и иконамъ ³⁶⁾, такъ и у Чувашъ словомъ *Тора* называется икона: *кѹдесѣри тора* икона въ переднемъ углу избы. По словамъ Обоева, крещенные Чуваша «думали, что иконы находятся въ какомъ-то таинственномъ сношеніи со священниками и сообщаютъ имъ обо всемъ, что дѣлается у нихъ въ домахъ...и потому, желая полакомиться скоромнымъ въ постный день, во время обѣда или ужина обращали икону ликомъ къ стѣнѣ: не увидитъ-де и не скажетъ бачкѣ!» ³⁷⁾. Изъ этого видно, что у Татаръ, по принятіи для названія Бога словъ *Алла* и *Ходай*, древнее названіе Бога *Тари* осталось за иконою, Чуваша же, по принятіи крещенія, не имѣя понятія о портретахъ, картинахъ и рѣзныхъ изображеніяхъ и о значеніи иконъ въ христіанскомъ смыслѣ, вмѣстѣ съ названіемъ *Тора* придали имъ шаманское значеніе божества низшаго разряда, посредствующаго между простыми людьми и слугителями Верховнаго Божества. Впрочемъ, въ настоящее время, у нѣкоторыхъ Чувашъ слово *тора* по отношенію къ иконамъ получило уже значеніе «изображенія, образа» и къ названіямъ изображаемыхъ святыхъ присоединяется съ притяжательнымъ суффиксомъ, напр. *Микула-торры* образъ Николая и т. п.—У горныхъ Черемисъ икона называется *статя*, что, какъ оказывается, происходитъ отъ *statua*, русск. *статуя*, такъ какъ, по объясненію самихъ Черемисъ, названіе *статя* наиболѣе приличествуетъ рѣзнымъ образамъ. Извѣстно же, что во время крещенія Черемисъ рѣзныя иконы (въ послѣдствіи запрещенныя) были въ большемъ употребленіи. По этому, вѣроятно, духовенство, раздавая новокрещеннымъ иконы

³⁶⁾ Словарь Будагова, т. I, стр. 352.

³⁷⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 118.

и не находя въ черемисскомъ нарѣчїи для названїя ихъ соотвѣтствующаго слова, ввело слово *статуя*, которое превратилось въ *статя* ³⁸⁾. Для постепеннаго устраненїя таковыхъ воззрѣній, вмѣсто *тора* и *статя* въ переводахъ принято употреблять усвоенное русскою церковью слово *икона* съ надлежащимъ объясненїемъ.

О чувашскомъ названїи Богородицы—*Тор'Амыш*, въ смыслѣ «супруга Бога, мать дѣтей Божїихъ», мы имѣли уже случай объяснить прежде ³⁹⁾.

Слово *Тора* употребляется еще въ названїи «родимаго пятна» *Тора-палмы*—собственно Божїе клеймо, Божья замѣтка, примѣта и «освященной воды» *Тора-шыгъ*—Божья вода.

Солнце.

Солнце по-чувашски *Хвэлъ*—звукъ въ звукъ татарское *койаш*, якутское *кујас*; если же съ перваго раза въ немъ вовсе не слышно созвучїя съ двумя послѣдними словами, то это зависитъ отъ того, что оно образовалось по точнымъ законамъ измѣненїя тюркскихъ звуковъ въ чувашскихъ словахъ, именно: тюркскїй начальный звукъ *к* перешелъ въ чувашскїй *х*, слѣдующій *о* или *у*—въ *в*, слѣдующій *йа* или *ја*—въ *э* и конечный татарскїй *ш*, якутскїй *с*—въ *л*. ⁴⁰⁾—Съ этими тремя названїями солн-

³⁸⁾ Извѣстно, что у русскаго простонародья, еще не вполне отрѣшившагося отъ языческихъ воззрѣній, рѣзныя изображенїя, вынесенныя изъ храмовъ въ часовни, пользуются особеннымъ почитанїемъ; такъ въ Марїинскомъ посадѣ одно изъ таковыхъ изображенїй называется *истиннымъ* Іисусомъ.

³⁹⁾ См. въ 5-мъ отрывкѣ изъ Словаря 12-ю сноску.

⁴⁰⁾ Здѣсь измѣненїе звуковъ почти тоже, какое въ словѣ *зима*: татар. алтай. *кыш*, якут. киргиз. *кыс*, чуваш. *хиль*. См. «Замѣтки для ознаком. съ чуваш. нарѣчїемъ», §§ 21, 13, 23 и при Словарѣ Краткую таблицу измѣненїя звуковъ. Для наглядности перехода звуковъ поставимъ означенныя слова буква подъ букву:

по-татарски. *к о йа ш*
по-якутски. *к у ја с*
по-чувашски. *х в э лъ*

ца по началу и окончанію созвучны: джагатайское *кўнес*, турецко-адербиджанское *кўнеш* и вогульское (на р. Лоз-вѣ) *коаталь*.

Затѣмъ, *солнце* и *день* имѣютъ одно и тоже названіе въ языкахъ: алтайскомъ и киргизскомъ *кўн*, черемисскомъ *кече*, мордовскомъ *чин*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорится и по-татарски *кўнъ* (вм. *койаш*), по-якутски *кўн* (вм. *куяс*), по-турец. адербидж. *кўн* (вм. *кўнеш*); въ чувашскомъ нарѣчій *кон*—день употребляется (вм. *хвэль*) только въ выраженіи: *кон тавырнать* поворотъ солнца.

Солнце на другихъ языкахъ: арабскомъ—*шамс*, финско-куопіосскомъ—*ауринко*, эстонскомъ—*пайке* (*päike*), вотяцкомъ—*шунды*, зырянскомъ и пермяцкомъ—*шонди*.

Солнце, по понятіямъ Чувашъ нашего времени, представляется существомъ одушевленнымъ, имѣющимъ жену и дѣтей (*хвэль ашше*, *хвэль амыже*, *хвэль ыгыльзэм*) уши, крылья и ноги (*хвэль хули*, *хвэль сынань*, *хвэль ори* ⁴¹) и относится къ числу второстепенныхъ божествъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ своего особаго бога, почему и называется *Хвэль-тѡра*, что собственно значить: «солнце-богъ», но можетъ быть переведено и «богъ солнца».

Хвэль-тѡра приводится у Сбоева въ числѣ небесныхъ добрыхъ боговъ подъ № 10. Чуваша, конечно, какъ и прочіе народы, смотрятъ на *солнце*, какъ на источникъ *свѣта и теплоты*. Между тѣмъ тамъ же подъ № 2 показанъ «*Сюдъ-тунзы-тора*, творецъ свѣта, богъ, во власти котораго посылать людямъ *свѣтъ и теплоту*» ⁴²). По этому переводу можно бы заключать, что это—тотъ же самый *Хвэль-тѡра* «богъ солнца», обитающій въ солнцѣ, одушевляющій его своимъ присутствіемъ и посылающій людямъ отъ своего жилища *свѣтъ и теплоту*. Но такое заключеніе было бы поспѣшнымъ. Здѣсь оказывается произволъ и вслѣдствіе его невѣрность въ переводѣ имени «*Сюдъ-тунзы-тора*». *Сьут* значить: собственно *свѣтъ*, сіяніе (татарское *якты*), напр. *хвэль-сьутты*—сіяніе солнца. Само-по-себѣ *сьут* не имѣетъ русскаго

⁴¹) Такъ называются собственно различныя направленія солнечныхъ лучей—къ верху и въ стороны во время мороза и въ низъ изъ-за облаковъ.

⁴²) «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 105, 102: Риттиха «Казанская губернія», ч. 2, стр. 88.

значенія: свѣтъ-міръ. Для выраженія понятія о міръ у Чувашъ есть два слова, къ которымъ присоединяется слово *сют*: 1) **Сьандалык**; само-по-себѣ оно значитъ только: состояніе тверди въ отношеніи погоды: *Ай-ай паян сьандалык лаих, ояр турать*. Ахъ, сегодня погода хороша, ведро стоитъ—говорить *Тинепхи* своимъ товарищамъ ⁴³⁾; *сяндалык пузылы* состояніе тверди испортилось, наступило продолжительное ненастье; а съ предшествующимъ *сют*—слово *Сют-сьандалык* вполне соотвѣтствуетъ персидскому *джиһан* «міръ, вселенная». 2) **Тўньчэ** (*тўмь*)—арабское *дўня*—и само-по-себѣ можетъ выражать: «здѣшній міръ» ⁴⁴⁾. Но и *тўньчэ* въ чувашскихъ молитвословіяхъ встрѣчается въ формѣ: *Сют-тўньчи*, такъ же какъ и у Татаръ въ пѣсняхъ *якты-дбня*, напримѣръ:

«Ишек алдыны себеря тор,
«Чыксын (да-гыпа) уак бәрәнге;
«Барын(да) југын ияпласян
«*Якты-дбня* безга карангы».

«Почаще подметаи свой дворъ, чтобы вышла мелкая травка земляныхъ орѣшковъ» ⁴⁵⁾; если станешь думать о (всемъ) что есть и чего нѣтъ, то *здѣшній міръ* намъ покажется чернымъ».

А такъ какъ у Чувашъ въ разныхъ мѣстностяхъ звуки ч и з замѣняютъ другъ друга въ одномъ и томъ же словѣ ⁴⁶⁾; то и *тўньчи* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произносится *тўньзи*. Изъ этого слѣдуетъ 1) что *Сют-тўньзи* (или *тўньчи*)—*тора* прямо значитъ: «богъ здѣшняго міра»,

⁴³⁾ «Чувашскіе разговоры и сказки» Спирид. Михайлова. стр. 10.

⁴⁴⁾ Арабское *дўня* здѣшній міръ, блага здѣшняго міра, *дўнялек* все мірское, все земное, *дўнялѣ* мірской, земной, временный; джагат. *дўня тапган* онъ нашелъ богатство, сокровище, счастье. Словарь Будагова, т. I, стр. 568.

⁴⁵⁾ Иначе называются «свинushки»; травка ихъ имѣетъ форму морковной травы.

⁴⁶⁾ Напр., древесный листъ—въ однихъ мѣстностяхъ *сѣульче*, а въ другихъ—*сѣульзе*; недѣловая лѣтняя пора—*сѣиньзе* и *сѣиньчэ*. См. въ 8-мъ отрывкѣ изъ Словаря мѣсяць *сѣу-ойых*.

какъ непосредственно слѣдующій за верховнымъ богомъ *Сьўльди-тора*, который самъ земными дѣлами не занимается ⁴⁷⁾, и 2) что этотъ *Сьут-тўньзи-тора* не завѣдуетъ *свѣтомъ и теплою*, которыми распоряжается *Хвель-тора*. Ошибка же переводчика произошла отъ того, что онъ, не понявъ значенія слова *тўньзи* и полагая происхождение его отъ корня *ту* дѣлать, произвольно измѣнилъ *тўньзи* въ *туны* (хотя такой формы отъ *ту* и быть не можетъ), перевелъ *сьут-туны*—«творецъ свѣта» и, вѣроятно—по аналогіи, прибавилъ «и теплоты», чѣмъ и придалъ этому богу свойства «бога солнца»—*Хвель-тора*.

У Черемисъ въ числѣ второстепенныхъ боговъ находятся *Ош'-кеча-кого-юма*—богъ солнца и *Кеча-авя*—мать солнца ⁴⁸⁾.

Солнце, какъ одушевленное божество, пользуется у Чувашъ почетомъ, но они никакихъ особенныхъ жертвъ ему не приносятъ, а упоминаютъ лишь о его свойствахъ и качествахъ въ общихъ молитвословіяхъ, пѣсняхъ и причитаньяхъ:

«*Хвель хирельзэ тогатычэнъ*

«*Питыэ турза сьуеынъче*—

«До восхода краснаго солнышка пусть она (молодушка) встанетъ, умется».

«*Хвель тогаты хирельзэ,*

«*Эс хирельзэ тогас сьок*—

«Солнце всходитъ зарумянясь, а тебѣ (покойница) уже не выходить разрумянясь» и т. п.

Восходъ солнца наиболѣе упоминается и въ татарскихъ пѣсняхъ:

⁴⁷⁾ У Черемисъ также за верховнымъ богомъ—*Кого-Юма*—непосредственно слѣдуетъ *Сандалькам-кучэн-урдаша*—правитель вселенной.

⁴⁸⁾ У Риттиха въ перечисленіи черемисскихъ боговъ, составленномъ по статьѣ Знаменскаго о горныхъ Черемисахъ, *Ош-кеча-кого-юма* названъ только «дневнымъ богомъ, правителемъ дня», что произошло, безъ сомнѣнія, отъ того, что у Черемисъ *солнце* и *день* имѣютъ одно и тоже названіе—*кече*; между тѣмъ о немъ тутъ же говорится: «Этотъ богъ *грѣетъ* землю, *раститъ* и предохраняетъ растенія отъ вреда». Риттихъ, ч. 2, стр. 170.

«*Коляш* (та-гына) *чыгар кызарыб*,
«*Карышы* (да-гына) *барма пешарсен*;
«*Мине* (дя) *ташлаб јатны сѡйсја*,
«*Јанган* (да-гына) *утка тѡшјарсен*.

«*Солнце взойдетъ зарумянясь*, не ходи напротивъ—*обож-*
жешься; бросивши меня, полюбишь чужаго, въ горящій
огонь упадешь».

«*Јегетляр јигяр* (эј) *јирян ат*

«*Кызарыб* (ук) *коляш чыкканда*,

«*Јегетне кызлар бигряк сѡяр*

«*Сызылыб* (ук) *мыйык чыкканда* *).

«Молодцы запрягаютъ рыжихъ коней, когда *зарумя-*
нясь восходитъ солнышко; всего сильнѣе любятъ молодца
дѣвушки, когда начинаютъ пробиваться усы».

Одна изъ чувашскихъ загадокъ изображаетъ солнце
тоже одушевленнымъ, именно—въ образѣ высокаго ро-
стомъ русскаго человѣка: *пѣрде вурум вырыс киретъ* въ
избу входитъ длинный русскій т. е. проникаетъ длинный
лучъ солнца.

О *Якутахъ* Щукинъ говоритъ, что они «солнце и огонь
болѣе всего почитаютъ и признаютъ ихъ за существа
живыя; огню бросаютъ предъ начатиемъ ѣды лучшій ку-
сокъ и питья отливаютъ: солнцу же никакихъ жертвъ
не приносятъ, потому что не видятъ отъ него никакого
зла» ⁴⁹⁾.

Луна.

Луна и *мѣсяцъ*, о которыхъ уже прежде подробно объ-
яснено ⁵⁰⁾, называются по-чувашски **Ойых**, по-турецки,
татарски, киргизски и алтайски—*ай*, по-якутски—*ый*.

На другихъ языкахъ луна называется: по-арабски—*камар*, по-эстонски—*ку*, по-финско-куопіосски—*куу*, по-
мордовски—*ковъ*, по-вогульски—*йонгоб*, по-зырянски и

*) Последній стихъ цѣликомъ приведенъ въ Словарѣ
Будагова, т. I, стр. 699, 700.

⁴⁹⁾ «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 276, 277.

⁵⁰⁾ См. начало 8-го отрывка изъ Словаря. Каз. Губ.
Вѣд. № 25.

пермяцки—*тэлысь*, по-черемисски горн.—*тэлызэ*, лугов.—*тыльзэ, тыльчэ*, по-вотяцки *толысь, толечь* ⁵¹⁾).

О чувашскихъ названіяхъ фазисовъ луны тоже было упомянуто. Но касательно первой и второй четверти луны есть чувашская загадка съ вариантами: *Пурть тубинчэ*, или *пурть синчэ*, или *ой варрынчэ сора сугур вырдатъ* на верху дома, или на крышѣ дома, или среди поля (таковы загадочныя изображенія тверди небесной) *пол-коровая* лежитъ. При восхожденіи луны большимъ шаромъ, во время полнолунія, говорятъ: *Ойых йидэм бэк пызык* луна величиною съ (молотильный) токъ (стала). О самой лунѣ со звѣздами есть другая загадка: *Перь сынн хызынчэ пинь сынн быратъ* за однимъ человекомъ тысяча человекъ идетъ.

Но если чувашская загадка изображаетъ луну въ человѣческомъ образѣ вожатаго; то сами Чуваша представляютъ ее не болѣе какъ небеснымъ *короваемъ* или *кругомъ сыра*, который по временамъ подвергается сѣдненію колдуномъ или вѣдьмой. Затмѣніе луны, какъ было сказано, у Чувашъ выражается фразою: *ойыга вубур сѣзтэ* луну вубуръ сѣдаетъ; *вубур*—татарское *убыр*—колдунъ, колдунья, вѣдьма, яга-баба, напоминаетъ малороссійскаго *уыр'я*, польскаго *upióg*.

Въ виду подобнаго воззрѣнія Чувашъ на качества луны, представляется сомнительнымъ, чтобы она когда нибудь признавалась у нихъ, подобно солнцу, особымъ божествомъ или даже была въ распоряженіи особаго божества ⁵²⁾: она, какъ видно, не считалась существомъ одушевленнымъ, подобно солнцу; по ней Чуваша даже не ведутъ счисленія времени, хотя время, относящееся къ тому или другому занятію своего быта, и называютъ ея именемъ—

⁵¹⁾ По-тунгузски у Щукина записано: «солнце—*дылача*, а луна—*біла*» (Поѣздка въ Якутскъ, стр. 158), между тѣмъ какъ *дылача* созвучно съ зырянскимъ, пермяцкимъ, черемисскимъ и вотяцкимъ названіями луны (*тыльзэ, тыльчэ* и пр.), а *біла*—съ эстонскимъ названіемъ солнца (*päike*): это, можетъ быть, или лингвистическая случайность, или же—ошибка записки.

⁵²⁾ У Черемисъ, какъ видно изъ перечисленія Риттиха, въ числѣ 24 боговъ тоже *нлтэ бога луны* и только въ числѣ 11 богицъ упоминается *тыльзи-авя*—мать луны.

ойых.—Даже и въ пѣсняхъ у Чувашъ луна—*ойых* встрѣчается какъ бы только для игры словъ и аллитераціи, составляющихъ основаніе чувашскаго стихосложенія и замѣняющихъ риѐму, какъ наприм. въ рекрутской пѣсни:

«*Хвэлъ*—вирѣ *хйръ* корнать,

«Эбирь илѣс *хйръ* сѣва;

«*Сьулдыр*—вирѣ *сьол* корнать,

«Эбирь каяс *сьол* сѣва;

«*Ойых*—вирѣ *ой* корнать,

«Эбирь вурзяс *ой* сѣва.

«Съвозъ сіяніе солнца видна дѣвица, ту дѣвицу взяты (за себя) намъ; съвозъ мерцаніе звѣздъ видна доро́га, той дорогой намъ идти; съвозъ свѣтъ луны виднѣется поле, на томъ полѣ воевать намъ».

— Названіе луны съ притяжательною приставкою (суффиксомъ) 1-го лица *ым*, въ формѣ *ойым*, у Чувашъ вовсе не употребляется ни въ особенно уважительномъ ни въ ласкательномъ смыслѣ; тогда какъ у Турокъ и Татаръ *айым*—луна моя, имѣетъ значеніе: красавица, госпожа, дама или дѣвица благородная, а въ Туркестанѣ это былъ титулъ матери царствовавшего хана ⁵³⁾. У Татаръ же одинъ изъ любимыхъ припѣвовъ къ пѣснямъ:

«Эй *айым* синь (янымъ) эй *айым* синь!

«*Айым* (да-гына) тѣголь—кѣнѣмъ синь!

«Кѣндя (*йк*) кѣргянь (эй) кешемъ синь!

«Кѣмѣш (тя-геня) чаркя балымъ синь!

«*Луна моя ты душа моя*, *луна моя ты*! Не *луна моя* (только)—солнышко мое (денекъ мой) ты! Днемъ (ежедневно) видимая (мною) особушка моя ты! Сребро-чарочный (въ серебряной чаркѣ) медокъ мой ты!»—

По нашему мнѣнію, Чуваша обращаютъ на луну вниманіе, какъ и на созвѣздія, только съ практической стороны, т. е. насколько она можетъ служить въ опредѣленію благовременности тѣхъ или другихъ занятій ихъ быта, исполненія религіозныхъ обрядовъ и т. п. ⁵⁴⁾. Ме-

⁵³⁾ Словарь Будагова, т. I, стр. 208.

⁵⁴⁾ Время для исполненія религіозныхъ обрядовъ начиналось *по лунѣ* и у Черемисъ, какъ это видно изъ выписки о жертвоприношеніи Черемисъ Уржумскаго уѣзда въ 1828 году (въ чемъ участвовало до 3000 человекъ.)

жду тѣмъ у Сбоева луна занимаетъ 11-е мѣсто въ числѣ небесныхъ добрыхъ боговъ подъ именемъ *Оихъ-Тора* съ женою и дѣтьми ⁵⁵.

З в ѣ з д ы.

Звѣзда по-чуваши **Сьулдыр**—тюркское, турецкое, татарское *julduz* (у казанскихъ Татаръ говорится также *юндоз*), киргизское *юлдуз*, алтайское *ылдыс*, якутское *сулус*, черемисское, очевидно—заимствованное чрезъ Чувашъ, луговое *шудур*, горное *шудэр*, *шыдыр*.

На другихъ языкахъ звѣзда: по-финско-куопіоски—*те-эти*, мордовски—*теще*, вогульски—*соут*, вотяцки—*кизили*, зырянски—*кодзюл*, пермяцки—*кедчжил*.

Звѣзды у Чувашъ не имѣютъ особаго божества, заведующаго ими, какъ у Черемисъ *Шыдыр-хан*—владыка звѣздъ, который наблюдаетъ за ихъ теченіемъ и переставливаетъ ихъ. Звѣздами, по мнѣнію Чувашъ, управляетъ самъ *Сьулды-Тора* властитель надзвѣзднаго міра. Впрочемъ это мнѣніе не подтверждаетъ производства предиката *Сьулды* отъ *сьулдыр*, которое дѣлаетъ Сбоевъ, выводя изъ него заключеніе, что названіе «*Сьулды-Тора*» есть буквальный переводъ еврейскаго *Іегова Цебаотъ*, или по чтенію *LXX Саваотъ*, богъ звѣздъ» ⁵⁶: *сьулды* просто значить: верхній, вышній.

По астрологическимъ повѣрьямъ Чувашъ, появленіе туманныхъ звѣздъ означаетъ рожденіе людей, коимъ суждено провести жизнь въ бѣдности или несчастно; свѣтлыя звѣзды обѣщаютъ новорожденнымъ богатство или счастье, а самыя яркія—относятся къ рожденію царей, великихъ или необыкновенныхъ людей. Степенью яркости падающихъ

Трое крещенныхъ Черемисъ «видѣли сны, которые будто бы ихъ обязывали къ богомоленію по обряду прежнихъ вѣры... День праздника назначилъ сновидѣцъ Токметевъ, считая отъ дня праздника Покрова *чрезъ двѣ луны и по рожденію третьей* чрезъ недѣлю» и пр. «Картины свѣта», альманахъ 1837 г., ч. 2, стр. 294.

⁵⁵) «Замѣтки о Чувашихъ», стр. 105.

⁵⁶) Тамъ же, стр. 102.

звѣздъ также опредѣляется смерть людей бѣдныхъ, богатыхъ и великихъ.

Мы не имѣли случая лично, чрезъ распросы Чувашъ въ виду звѣзднаго неба, собрать подробныя свѣдѣнія о названіи по-чувашски и о значеніи, по понятіямъ Чувашъ, главныхъ звѣздъ и созвѣздій. По этому, для имѣющихъ къ тому возможность, представляемъ здѣсь только то, что есть по этой части подъ руками.

Такъ, прежде всего неизвѣстно, какъ Чуваши называютъ *Полярную звѣзду*, которая образуетъ конецъ хвоста *Малой медвѣдицы*, неподвижна и находится на сѣверномъ полюсѣ неба. По-татарски она зовется *тимер-казык*, у Киргизъ—*темір-казык* «железный колъ». У послѣднихъ двѣ звѣзды въ Малой медвѣдицѣ, самыя дальнія отъ полярной, называются бѣло-сѣрая и голубо-сѣрая лошади, между ними и полярной звѣздой три звѣздочки—веревка, на которой эти лошади-звѣзды привязаны; *Большая медвѣдица*, состоящая изъ семи большихъ звѣздъ (изъ которыхъ 4, вмѣстѣ лежащія, составляютъ какъ бы туловище, а 3—хвостъ), называется (у Киргизъ) *семь воровъ*, которые обращаются за лошадьми ⁵⁷⁾.

Большая медвѣдица по-татарски *Джидганъ јулдуз* ⁵⁸⁾, по-чувашски *Сичче сьулдыр* «семь звѣздъ», у Якутъ—*Аргас-сулус* (*аргас* затылокъ, плечевая сторона); по ней они раздѣляютъ ночное время ⁵⁹⁾.

Млечный путь—самое большое изъ туманныхъ пятенъ бѣловатымъ сініемъ, какъ поясомъ, охватывающее звѣздное небо и содержащее въ себѣ около 18 милліоновъ мелкихъ звѣздъ ⁶⁰⁾. Въ Чувашско-русскомъ словарѣ 1836 г.

⁵⁷⁾ «Матеріалы къ изуч. киргиз. нарѣчія» Н. И. Ильминскаго, стр. 139; Словарь Будагова, т. 2, стр. 363.

⁵⁸⁾ Словарь Будагова, т. I, стр. 433.

⁵⁹⁾ «Поѣздка въ Якутскъ» Н. Щукина, стр. 287.

⁶⁰⁾ Русское названіе *Млечнаго пути* взято изъ извѣстнаго греческаго мифа, по которому: богъ Сатурнъ (Кронъ) пожиралъ дѣтей, раждаемыхъ женою его Реей; родивъ Юпитера (Зевса) и скрытно отъ мужа отдавъ его на воспитаніе, она сказала Сатурну, что родила камень, который завернувъ въ кожу и напоитавъ своимъ молокомъ бросила съ неба на землю: онъ-то при своемъ полетѣ и оставилъ *молочный слѣдъ*—Млечный путь.

онъ названъ *ѳыгырь* ⁶¹⁾; но это совершенно невѣрно, какъ увидимъ ниже. Млечный путь по-чувашски называется *Каик-хор-сьоле* дорога дикихъ гусей (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ чебоксар. и ядрцн. уѣздахъ—*хор каик сьоле*), что вполне сходно съ татарскимъ названіемъ *Кіик-каз-јулы* ⁶²⁾. По Брему («Жизнь животныхъ»), перелетныя птицы, во время отлета, летятъ, обыкновенно, съ сѣверо-востока на юго-западъ, водяныя же иногда нѣсколько уклоняются по теченію рѣкъ на югъ, что соотвѣтствуетъ направленію Млечнаго пути. По-арабски Млечный путь—*Ходжилър жулы, —муджерре*—дорога пилигримовъ, богомольцевъ, путешествующихъ въ Мекку на поклоненіе,—дервишей ⁶³⁾; по-турецки—*Саман огрысы*—⁶⁴⁾ воръ соломы.

Плеяды—группа изъ шести звѣздъ въ созвѣздіи Тельца по-чувашски *ѳыгырь*, по-турецки—*ѳыгырь*, по-киргизски—*ѳыгырь* ⁶⁵⁾. У Якутъ—по словамъ Щукина—«Плеяды называются *Ургял*; по нимъ предсказываютъ о наступленіи весны ранней или поздней» ⁶⁶⁾; по Бетлингу: *ѳыгыль* ⁶⁷⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чуваша называютъ Плеяды *ала сьулдыр*—рѣшето-звѣзды.

Венера—планета—*утренняя звѣзда* по чувашски *Шорым-бось сьулдыры* т. е. звѣзда утренней зари. На другихъ языкахъ: по-джагатайски—*Чолпан*, по-якутски—*Чолбон* или *Чолбон сулус*, по-алтайски—*Чолмон*, *Чѳлбѳн*, по-киргизски—*Шулпан*, по-монгольски—*Чолман*. Эта планета называется *Зѳхрѳ* и представляется персидскими поэтами небеснымъ музыкантомъ ⁶⁸⁾.

Вечерняя звѣзда у Чувашъ—*Хвэль-анысь-синьчи сьулдыр* т. е. звѣзда на закатѣ солнца, или западная.

⁶¹⁾ Чувашско-русскій Словарь 1836 г., стр. 96: «*ѳыгыль* млечный звѣздный путь».

⁶²⁾ Махмудова, практ. руков. къ изуч. татар. языка стр. 7; Словарь Будагова, т. 2, стр. 381.

⁶³⁾ Словарь Будагова, т. I, стр. 510.

⁶⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 703.

⁶⁵⁾ Тамъ же. т. 1, стр. 154.

⁶⁶⁾ «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 287.

⁶⁷⁾ Якутско-нѣмец. Словарь, стр. 50.

⁶⁸⁾ Словарь Будагова, т. 1, стр. 499, 609; Словарь Бетлинга стр. 121; Алтайско-русскій Словарь стр. 292.

Наконецъ одно изъ созвѣздій у Чувашъ носитъ названіе *Квене-сълдыр* «коромысло-звѣзда» (коромысло у казанскихъ Татаръ *кѣйндя*, у тобольскихъ — *кѣянта*). Это — по нашему мнѣнію — долженъ быть *Оріонъ* — одно изъ прекраснѣйшихъ созвѣздій (названное по имени сильнаго и могучаго охотника древнихъ временъ), чрезъ поясъ котораго проходитъ небесный экваторъ: созвѣдіе составляютъ: три яркія, плотно лежація одна къ другой, звѣзды — поясъ, надъ ними двѣ другія яркія звѣзды и одна правѣе, ниже пояса; чрезъ лѣвую верхнюю звѣзду Оріона проходитъ Млечный путь.

13. «АЖА БАТМАН КАРЧЫК КИЛЬНЕ».

(Матеріалы къ объясненію чувашскихъ молитвословій и наговоровъ)

Въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1874 г. № 28, въ статьѣ «Чувашскія баушки-повитухи», (*) находится слѣдующій наговоръ, который произноситъ йомзя, окуривая новорожденного младенца: **«Е бисъмэллэ! Сяк Сьѣппирэнь тох кось, хора кось, хумур кось, чагыр кось, квак кось, шора кось, сьымись кось! Тох кось! Ажа батман карчык кильне Адыл орла, тинис орла, ой орла, вурман орла. Вйрэдень, сорадын; тох кось!»** При этомъ текстѣ помѣщенъ переводъ, который, по нашему мнѣнію, требуетъ исправленія; а фраза «Ажа батман карчык кильне» оставлена безъ перевода и авторъ оговорился, что «объясненія значенія ея онъ ни отъ кого добиться не могъ».

Е бисъмэллэ! сокращенно *Смэллэ!* какъ у Чувашъ, такъ и у Черемисъ (у послѣднихъ—*Смла!*) говорится въ началѣ молитвословій и нѣкоторыхъ наговоровъ въ значеніи русскаго «Господи, благослови!» и есть арабское *бисм-иллях* «во имя Бога». Въмѣсто *Э бисъмэллэ* употребляются также: *пиллэ!*—сокращенное *письмэллэ!* и *пашиль ду!*—собственно «благослови!» (арабско-татарское *бахиль, бахилик*—благословеніе), у крещеныхъ изъ Татаръ Чувашъ—*пэшилъ ду*.

Сюппи (*Сьѣппи*)—имя новорожденного, которое значить «отъ сора взятый». Въ статьѣ объяснено, что въ семействахъ, гдѣ дѣти не живутъ, баушка только-что рожденного младенца завернувъ въ тряпки, выноситъ на улицу; поджидающій во дворѣ йомзя берегъ дитя и, внеся въ избу, говоритъ, что онъ нашель дитя это въ сору—*сьѣпъ синьчэ топрым*; дитя выкупаютъ у йомзи и затѣмъ называютъ его *Сьѣппи*. У Чувашъ, какъ и у другихъ инородцевъ, иногда, въ особенности же когда дѣти не живутъ, сверхъ имени, нарѣкаемаго при крещеніи, даются имена, заимствованныя изъ своего языка примѣнительно къ обстоятельствамъ рожденія, по названіямъ животныхъ:

(*) Присланной изъ села Бѣловолжскаго, чебоксарскаго уѣзда.

Обась, Олай, или *деревьевъ Йоман* и т. п. ¹⁾. Но если обратить вниманіе на порядокъ исполненія незатѣйливаго съ перваго взгляда обряда, о которомъ теперь идетъ рѣчь, и, вникнувъ въ смыслъ даваемого ребенка имени (*Сьѣпни*), сдѣлать одно сопоставленіе; то нельзя будетъ признать лишеннымъ основанія то наше предположеніе, что происхожденіе этаго чувашскаго обряда должно восходить ко временамъ глубокой древности и что основаніе его заимствовано Чуваши изъ библейскаго сказанія объ обстоятельствахъ дивнаго спасенія отъ неминуемой гибели младенца Моисея (пророка). Какъ тамъ Моисей, обрѣченный повелѣніемъ Фараона, вмѣстѣ со всѣми новорожденными еврейскими дѣтьми мужескаго пола, на смерть, былъ тайно вынесенъ изъ дому на рѣку и, послѣ находки его на водѣ царевною, возвращенъ родной матери на воспитаніе съ именемъ «отъ воды взятый»; такъ и здѣсь у Чувашъ, въ виду смерти прежде-рожденныхъ дѣтей, ненадежный къ жизни младенецъ тайно выносится на соръ и нашедшимъ его тамъ йомзею возвращается матери съ именемъ «отъ сору взятый». Покупка младенца у йомзи—здѣсь ничто иное, какъ вознагражденіе послѣдняго за участіе въ исполненіи обряда. Примѣненіе же Чуваши библейскаго сказанія о Моисеѣ къ своему обряду произошло не иначе, какъ по заимствованію этаго сказанія чрезъ Хазаръ, которымъ, какъ мы уже говорили прежде, Чуваши (или Буртасы) нѣкогда были подчинены и кааны которыхъ, а можетъ быть, и чувашскіе вожди народа (*ял-бозе*) слѣдовали закону Моисееву ²⁾.

¹⁾ Тоже видимъ и у Киргизъ; у нихъ даются имена: по мѣсту рожденія, дню рожденія и т. п., даютъ имена предзнаменовательныя: *баиболсуи, турсыи*; если напр. дѣти все умирають, то затѣмъ родившемуся даютъ имя *избасар, тѣлеб* и пр. Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія Н. И. Ильминскаго, стр. 41.

²⁾ Чувашскія заимствованія изъ еврейскаго быта наиболѣе замѣтны: въ обычаѣ привѣтствовать хозяевъ *только при входѣ въ домъ* (см. 7-й отрывокъ изъ Словаря), въ названіи Пятидесятницы *праздникомъ листьевъ* (см. въ 8-мъ отрывкѣ: *Сьу-ойыхъ, Сьѣльче-праздникъ*), въ назва-

Сяк Сьѣппирень тох кось значить не то что «отъ этаго Сюппи отойди глазъ», а просто: «выдь глазъ изъ этаго (младенца) Сюппи» (предполагая, конечно, что дѣти умирають сглазу), равно какъ и послѣднее тох кось значить не «уйди» а только «выдь глазъ». Затѣмъ слова: *Адыл-орла* и пр. не относятся ко второму тох кось и потому нельзя переводить: «Отойди глазъ за Волгу, за море, за поле, за лѣсъ». Если бы глазъ отсылался куда-нибудь вдаль, то было бы сказано не просто: *тох*, а—непрерывно: *тохса-кай*—вышедши—удались туда-то. Такъ напр. въ «*Вопкын-чуклени*»—молены для отвращенія повальныхъ болѣзней ³⁾, говорится—какъ намъ помнится—такъ: *Ялды чирэ тазатса тохса-кайыр; тватта кудеслэ сьандалык, сьта савынны, кайыр, пирень ялда ан-борныр*—«Очистивъ деревенскую болѣзнь (деревню отъ болѣзни), удалитесь, ступайте на всѣ четыре стороны свѣта, куда угодно (гдѣ понравилось, а) въ нашей деревни не пребывайте». Такъ же употреблены и въ обоихъ, ниже приведенныхъ, наговорахъ слова *тохса-кайдыр*—да удалится—въ отношеніи болѣзни и просто *тохтыр*—да выйдетъ—въ отношеніи глаза. *Адыл-орла* и пр. относится, какъ увидимъ ниже, къ словамъ: *карчык кильне*.

Слово *хумыр* кось хотя переведено правильно: «карій глазъ»; но объ немъ надобно замѣтить также, что «арабское *хамар*, киргизское *хумар* значить тяжесть въ головѣ послѣ опьяненія, похмѣлье, что относится также и къ глазамъ, выражающимъ это качество, масляные глаза» ⁴⁾.

Ажа, прежде производства отъ чувашскаго корня, требуетъ объясненія сравнительнаго. По-киргизски *ас*—перейти чрезъ гору ⁵⁾. По-алтайски *аш* переходитъ чрезъ возвышеніе, подниматься выше чего-нибудь, *ажыр* перевести

ни старшаго брата *господиномъ* (см. въ приложеніяхъ къ Словарю «Названія родственныхъ отношеній у Чувашъ» № 9: *ничче*), въ названіи *субботняго* дня *Шумат*, что, по измѣненію звуковъ *ш* въ *с* и *м* въ *б*, есть буквально—*Субот*, который у Чувашъ, до подчиненія ихъ магометанамъ, могъ быть *недѣльнымъ* днемъ и проч.

³⁾ Въ статьѣ В. К. Магнитскаго, о которой въ предъидущихъ отрывкахъ дважды было упомянуто.

⁴⁾ Словарь турецко-татар. нарѣчій Л. Будагова, т. 1, стр. 537.

⁵⁾ Матер. къ изуч. кирг. нар. Н. И. Ильминскаго, стр. 46.

чрезъ возвышенность; *ажыра* чрезъ возвышенность (отъ *аш*, слитное дѣепричастіе причинительнаго вида), а *кечире* (отъ *кеч*)—чрезъ ровное мѣсто или чрезъ рѣку ⁶⁾. По-турецки *ажуры* за, по ту сторону; *таг-ажуры* по ту сторону горы ⁷⁾. По-киргизски и башкирски *аша* чрезъ, сверхъ: *таудан-аша* чрезъ горы ⁸⁾. Въ татарской исторической пѣсни ⁹⁾ говорится: «*Тублар атышадыр Итиль-аша*»—Пушки перестрѣливаются чрезъ Волгу, разумѣется, не по водѣ, а чрезъ поверхность воды.—Изъ чувашскихъ глаголовъ *аш* и *кась*, первый значить также: переходить чрезъ верхъ чего-нибудь; отъ него понудительная форма *аштар*—заставить идти поверхъ чего: *ажым аштарас* обминать яровое лошадыми, вмѣсто молотбы, гоняя ихъ по снопамъ, наставленнымъ плотно одинъ къ другому колосьями вверхъ ¹⁰⁾, а второй—*кась*—значить переправляться чрезъ ровное мѣсто или по водѣ (татар. *кич*, алтай. *кеч*, киргиз. *кез*, якутск. *кѣс*); отъ него понудительная форма *казяр* переводить, прощать, оставлять (татар. *кичерь*, алтай. *кечир*, якутск. *кѣсѣрд*, черемис. *касарэм*); послѣднія два значенія *казяр* соотвѣтствуютъ арабскому глаголу *возвращаться*, который, говоря о Богѣ, значить *прощать*, а говоря о грѣшныхъ—*раскаяваться*. Итакъ *ажа* есть дѣепричастіе отъ *аш* и употребляется въ молитвословіяхъ—въ той же формѣ, какъ *сырлага-хор*, *сырлага бар*,—при словѣ *казяр*: *ажа-казяр*, *ажа-казярыр* буквально: переходя-переведи, прости, переходя-простите, въ смыслѣ русскаго: снисходя-прости, прости изъ снисхожденія. Въ этомъ же смыслѣ и Татары въ разговорѣ употребляютъ фразу: «*Артык сѣзгил Алла аша-кичерсень*»—лишнее слово прости, Боже!—Въ разбираемой фразѣ слово *ажа*, очевидно, находится въ такомъ же отношеніи (какъ *ажа-казяр*) къ слову *кильне*: *ажа-кильне*—переходя пришла.

Карчык—старуха—является въ этомъ наговорѣ благодѣтельною феей, прибытіемъ которой наговорщици стращаютъ и стараются изгнать зловредный глазъ изъ дитя—

⁶⁾ Алтайскій Словарь, стр. 154, 76 и Грамматика, стр. 170, 180. *Чеден ажыра калыды* перескочилъ чрезъ городьбу.

⁷⁾ Словарь Будагова, т. 1, стр. 52.

⁸⁾ Тамъ же, т. 1, стр. 49.

⁹⁾ Приведенной въ 9-мъ отрывкѣ изъ Словаря.

¹⁰⁾ См. 20-ю сноску въ 8-мъ отрывкѣ изъ Словаря.

ти, или, какъ увидимъ ниже, вообще—болѣзнь изъ паціента.

Патман съ перваго взгляда представляется ни чѣмъ инымъ, какъ извѣстною мѣрою вѣса ¹¹⁾. Но, имѣя въ виду контекстъ въ словахъ *ажа*, *Адыл-орла*, *тинис-орла* и пр., стоить только припомнить, что въ чувашскомъ нарѣчїи не рѣдко употребляются тюркскія слова безъ требуемаго извѣстными правилами измѣненія звуковъ ¹²⁾, чтобы признать въ словѣ *патман* турецко-татарско-киргизскій корень *бат*, алтайскій *пат*—погрузиться, вязнуть, тонуть, погибать, пропадать,—оставшійся въ данномъ случаѣ безъ измѣненія въ чувашскій *пот* (*подас*). Поэтому *патман* (вм. *потман*) есть отрицательное причастіе настояще-прошедшаго времени и значить: неутопающій, непогибающій, остающійся цѣлымъ, невредимымъ.

Слѣдовательно, полный переводъ разбираемаго наговора долженъ быть такой: «Во имя Бога! Изъ этаго (младенца) Сюппи выдь глазъ, чернѣй глазъ, карій (масляный) глазъ, косой глазъ, голубой глазъ, бѣлый глазъ, «зеленый глазъ! Выдь, глазъ! Переходи черезъ Волгу, «черезъ море, черезъ поле, черезъ лѣсъ неутопающая «старуха пришла. Дюю, плюю; выдь, глазъ!» т. е. «Невередимо (безпрепятственно) переносимая черезъ рѣки и «моря, черезъ поля и лѣса старуха пришла».

Эта благодѣтельная старуха—фея у крещенныхъ изъ Татаръ Чувашъ (тетюшскаго и цивильскаго уѣздовъ) является въ сказкѣ подъ именемъ «*айше батман карчык*» и, очевидно, заимствована ими отъ сосѣднихъ Чувашъ вмѣстѣ съ кереметями, йырыхами, торями и йомзями ¹³⁾ и съ такимъ же смягченіемъ звуковъ слова *ажа* въ *айше*, какъ смягчаютъ тамошніе Чуваша татарскіе звуки въ словахъ *сэгать*, *рэхмать*, *пэгий*—вмѣсто *сагат* часъ, *рахмат* благодарность, *бахиль* благословеніе.

¹¹⁾ Персидско-джагатай. *батман*—4 пудовика; турецкій *батман* обыкновенный равенъ 6-ти окамъ или 18 фунтамъ. Словарь Будагова, т. 1, стр. 231.

¹²⁾ Какъ напр. *кыш*—зима (вм. *хиль*) въ названіи *Кыжарни-кон*, *Хошпу* (вм. *кось-хоржи пуяве*), *Масмак* (*башбаг*, вм. *пось-пуяве*) и т. п. См. въ 10-мъ отрывкѣ изъ Словаря.

¹³⁾ См. въ 1 отрывкѣ изъ Словаря.

Въ видѣ варіанта и въ подтвержденіе нѣкоторыхъ изъ нашихъ положеній, приводимъ здѣсь наговоръ, употреб-
ляемый у Чувашъ юго-западной части тетюшскаго уѣзда
для излеченія головной боли. Йомзя беретъ ковшъ воды,
посыпаетъ ее солью, бросаетъ въ нее уголь и, мѣшая ее
кочедыкомъ, говоритъ: «Е бисъмэллэ! Тор' сырлах-
тыр! Тор'ран сырлых полдыр, эдэврэнъ сыньлех
полдыр! Йыванын порнас коне-сьоле болзассын,
таза шыв'бэк тазалза, Тор' шыв'бэк турылза, йо-
гым шыв' бэк тохса кайдыр; ѳтьрэнъ ѳдэ, шум'-
ран шумма, сыбран сыппа, посъ тѳбиньчэнъ кирь-
зэ, ори тѳппиньчэнъ тохса кайдыр. Ылтын¹⁴⁾
карда (3) ыжыньчэ, ылтын-йоба (3) туррыньчэ,
ылтын-турылкэ (3) синьчэ, ылтын-кажык (2)
ылтын-кажыкпа сызэ тохса кайдыр. Фу, фу!
Тьфу, тьфу! Эпъ вйрмэстеп, эпъ сормастын:
Адыл йылымыньчэнъ¹⁵⁾, Сур' йылымыньчэнъ ажа
батман карчык кильне, сяв' вйрэтъ, сяв' сорать:
сяк' вирнебэ, сяк' сорныбэ сынь полдыр, тэк
вйрмэллэ ан-болдыр!» «Во имя Бога! Да помилуетъ
Богъ! Да будетъ отъ Бога помилованье, да будетъ отъ
человѣка облегченье. Если Ивану суждено продолжать
существованіе, то, очистившись какъ чистая вода, усто-
явшись какъ святая вода, подобно ключевой водѣ, вы-
шедши да уйдетъ (изъ него болѣзнь). Вошедши (проник-
нувъ) изъ плоти въ плоть, изъ кости въ кость, изъ сги-
ба въ сгибъ (сочлененіе), съ верхушки головы изъ по-
дошвъ ногъ вышедши да уйдетъ (болѣзнь). Въ золотой
оградѣ, на вершинѣ золотого столба, на золотой тарелкѣ,
золотою ложкой поѳвши да удалится (болѣзнь). Фу, фу!
тьфу, тьфу! Я не дую, я не плюю: изъ Волжскихъ лѣ-
совъ, изъ Сурскихъ лѣсовъ безпрепятственно-невредимо
переносящаяся старуха пришла, она дуетъ, она плюетъ:
отъ этаго дуновенья, отъ этаго плеванья да будетъ об-
легченье, да не будетъ надобности во всегдашнемъ ду-
новеньи (въ леченіи)».—Послѣ этаго наговора йомзя при-
казываетъ больному выпить наговоренную воду.

¹⁴⁾ Здѣсь выговаривается *ылтын* вмѣсто *ылдым* золотой.

¹⁵⁾ *Йылым*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *илым*, лѣсъ,
сосновый боръ (алтай. *јиш* густой лѣсъ, черны; татар.
киргиз. *јиш* густой)

Этотъ (второй) наговоръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, очевидно, темень и можетъ быть вполне разъясненъ только посредствомъ вариантовъ. Но имъ въ нѣкоторой степени разъясняется темное мѣсто перваго наговора относительно прибытія старухи.

Старуха эта, по своему значенію, должна принадлежать къ числу добрыхъ земныхъ божествъ, но въ спискѣ чувашскихъ боговъ ея нѣтъ. Любопытно было бы попытаться, не существуетъ ли она по другимъ наговорамъ подъ какимъ нибудь именемъ и не имѣетъ ли она какого либо отношенія къ якутской *Айсыт* (*Айсыт*)—женѣ угодника или ходатая *Жесюй-Тоюн*а, имя которой, у Щукина¹⁶⁾, переводится словомъ «подательница».

Въ описаніи обряда «**Виль-тавраш**»¹⁷⁾ одно мѣсто указываетъ, хотя и не вполне опредѣленно, на участіе въ жертвоприношеніи киреметямъ, имѣющемъ характеръ заклинанія, какой-то «мастерицы», которую, по необыкновенному способу прибытія ея на мѣсто совершенія обряда, можно признать за ту же самую *Ажа батман карчык*—благодѣтельную старуху-фею. Тамъ, между прочимъ, говорится, что «совершительница обряда, во время жертвоприношенія киреметямъ, оговаривается такъ: *Сяг уста кильне сягында виль тўрьлэтьмэ сиччѣ тинис орла хыйырдаи киберь туза, пыырдаи, ылдырман, йис-рэнъ*—Эта «мастерица» пришла сюда для совершенія обряда (*виль*) чрезъ семь морей сдѣлавши мосты изъ песку, изъ красной мѣди, изъ золота, изъ желтой мѣди (тумпака)», т. е. ссылается на «мастерицу» въ томъ же родѣ, какъ на старуху-фею: «не я дую, не я плюю».

Въ заключеніе сообщаемъ только что доставленный намъ изъ той же мѣстности (изъ юго-западной части тетюшскаго уѣзда) наговоръ, записанный со словъ настоящаго йомзи. Въ этомъ наговорѣ, кромѣ того, что рѣчь о прибытіи благодѣтельной старухи изложена въ томъ же самомъ видѣ, какъ и во второмъ наговорѣ, заключаются варианты обоихъ прежнихъ наговоровъ и другія нелишенные интереса особенности.

«**Е Тор' сырлах! Тор'ран сыньлех патшаран**

¹⁶⁾ «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 276.

¹⁷⁾ Записаннаго аликовского двухъ-класснаго училища учителемъ-чувашинемъ Григорьемъ Филипповымъ.

ырлых полдыр! Тораба иатшаран ырлых ползасын сынь полдыр!

Магарын порнас коне-сьоле болзан, вил-чирьри пилмәдер, чүге-кйлли сырлахтыр. Кильди силе, толды силе, Вырыс силли, Тодар силли, Чуваш силли, сьүрьлә сьүрәннь, хирись полан силе тохса кайдыр!

«Чечень (сезень) хирьдә ылтын йоба ылтын йоба (3) туррынъчә ылтын кайык (2) ылтын кайыга хузян сьын силли үгәть; сявын-чохнә Магара силе үктерь. Хора сыснана хузян хаяр үгәть, сявын-чохнә Магара хаяр үктерь.

— Кась тивринь кась тохтыр, ирь тивринь ирь тохтыр; кон тавырнарь тавырыдыр, сьүрь тавырнарь тавырыдыр, сэгәть тавырнарь тавырыдыр; тўтрә болза саландыр, тўдўм полза тохса кайдыр Магар-зиньчән.

«Энь вйрьмәстеп, энь сормасть: Адыл йылымыньчән, Сур' йылымыньчән ажа батман карчык кильне, сяв' вйрәть, сяв' сорать.

«Хора вурман епле шовлать, сявын-бәк шовлаза тохса кайдыр Магар-зиньчән. Пугу епле погынза саланать, сявын-бәк саланза тохса кайдыр Магар-зиньчән. Кась тивринь. *(повторяется прежнее)*.

«Таза шыв'-бәк тазалза, туры шыв'-бәк турылаза, йогым шыв'-бәк йохса тохса кайдыр Магар-зиньчән.

«Хозандан анны кўмўль йоба, кўмўль йоба (3)-зиньчә кўмўль чашка, ормахь-синә хузян йинәрнә хорза, йивәннә тыгындарза утланза тавырнарь; сявын-чохнә кось тивьдерь Магара.

«Квак кось, сьымись кось, чагыр кось, хумыр кось, хора кось, Вырыс козе, Тодар козе, Чуваш козе тохтыр!

«Сьитьмил-дә-сичче тўсьлә чильге, прехь чильгембә сынь полдыр! Энь вйрьмәстеп... *(повторяется прежнее)*.

«Тор'ран ырлых кўдәдән: сынь полдыр!

«Хора сьугаца хузян кось үгәть, сявын-чохнә Магар-зинә кось үктерь.

«Шыв' хаярь, тум хаярь, капкын хаярь, тра

хаярь, виле хаярь тохса кайдыр. Кась тивринь..
(повторяется прежнее).

«Боже помилуй! Да будетъ отъ Бога облегченіе, отъ царя благодѣяніе! Когда отъ Бога и отъ царя будетъ благодѣяніе, да будетъ облегченіе ¹⁷⁾».

«Если Макару суждено продолжать существованіе, то мертвое-живое да благословить, жертва-молитва да помилуетъ. Домашній гнѣвъ (*гнѣвъ* и *злѣба* здѣсь означаютъ: порча, напускъ болѣзни *по сердцамъ*), внѣшній гнѣвъ, гнѣвъ Русскаго, гнѣвъ Татарина, гнѣвъ Чувашина, ночной и встрѣчный ¹⁸⁾ гнѣвъ да удалится!

«Въ чистомъ ¹⁹⁾ полѣ—золотой столбъ, на вершинѣ золотого столба—золотая птица, когда золотую птицу постигнетъ гнѣвъ человека, тогда и Макара да постигнетъ

¹⁷⁾ Вѣроятно и этотъ наговоръ, подобно обоимъ прежнимъ, начинается словомъ; *Е бисъмэллэ!* и о царскомъ благодѣяніи едва ли въ немъ упоминается. Повидимому, йомзя сочинилъ здѣсь вариантъ подъ вліяніемъ того опасенія, чтобы воспитанники учительской семинаріи (изъ чувашъ), которымъ онъ, послѣ многихъ отказовъ, рѣшился наконецъ передать этотъ наговоръ, не подвергли его какойнибудь отвѣтственности; а таковое опасеніе онъ не разъ имъ высказывалъ.

¹⁸⁾ *Съѣрэнъ* и *поланъ*—сокращенныя причастія прошедшаго времени *съѣрэнъ* и *полаганъ*, употребляемыя въ чувашскомъ нарѣчьи вмѣсто настоящаго, какъ *авданъ* пѣтухъ сокращ. изъ *авдаганъ* поющій (см. 9-й отрывокъ изъ Словаря), или какъ сокращ. изъ *тыдаганъ* держаній—*тыданъ* содержатель. Последнее слово у Чувашъ употребляется и въ разговорномъ языкѣ (*пазар тыданъ*, *хобах тыданъ* содержатель базара,—кабака) и въ молитвословіяхъ: *тыданъ амакъ*—постигшій, овладѣвшій гнетъ-болѣзнью (въ тетюшскомъ уѣздѣ *тыданъ амакъ* сократилось даже въ *тыд'амакъ*), *чильберъ тыданъ*—держатель повода. Это же *тыданъ*, какъ извѣстно изъ частной переписки, встрѣчается въ древнихъ хазарскихъ грамотахъ въ отношеніи кановъ въ смыслѣ: владѣтель, самодержецъ.

¹⁹⁾ Слово *чечень* на другомъ концѣ той же деревни выговаривается *сезень*. Это, относясь къ 46-й сноскѣ 14-го отрывка, подтверждаетъ объясненную нами тождественность словъ *тѣньчи* и *тѣньзи*.

гнѣвъ. Когда черную свинью постигнетъ злоба, тогда и Макара злоба да постигнетъ.

«Если вечеромъ приключилось, то вечеромъ пусть и выйдетъ, если утромъ, то утромъ пусть и выйдетъ; (если, въ случаѣ, прошедшій) день воротится, (то тогда) пусть воротится (болѣзнь), ночь воротится—пусть воротится; часъ воротится—пусть воротится; обратясь во мглу да разсѣется, обратясь въ дымъ да удалится изъ Макара (болѣзнь).

«Я не дую, я не плюю: изъ Волжскихъ лѣсовъ, изъ Сурскихъ лѣсовъ безпрепятственно-невредимо переносающаяся старуха пришла, она дуетъ, она плюетъ.

«Какъ шумитъ черный лѣсъ, съ такимъ же шумомъ да удалится изъ Макара (болѣзнь). Какъ собраніе собравшихся разсѣвается, такъ же разсѣявшись да удалится изъ Макара (болѣзнь). Если вечеромъ приключилось... (*повтореніе*).

«Очистившись какъ чистая вода, устоявшись какъ устоявшаяся вода, подобно ключевой водѣ утекли да удалится изъ Макара (болѣзнь).

«Изъ Казани прибывшій ²⁰⁾ серебряный столбъ, на серебряномъ столбѣ серебряная чашка, когда на своего коня (аргамака) положивши сѣдло, надѣвши узду, сѣвши верхомъ, возвратится (въ Казань если, то) тогда пусть постигнетъ Макара глазъ.

«Голубой глазъ, зеленый глазъ, косой глазъ, карій глазъ, черный глазъ, глазъ Русскаго, глазъ Татарина, глазъ Чувашина да выйдетъ!

«Семьдесятъ семь (хотя) языковъ ²¹⁾, (но) отъ одного моего языка да будетъ облегченіе! Я не дую... (*повтореніе*).

«Отъ Бога ожидаю благодѣянія: да будетъ облегченіе!

«Когда чернаго вѣрона постигнетъ глазъ, тогда и Макара пусть постигнетъ глазъ.

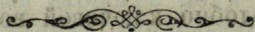
«Злоба отъ воды,—отъ измороси,—отъ (западни) ло-

²⁰⁾ *Анны*—собственно: сошедшій, такъ какъ тетюшскій уѣздъ ниже Казани по теченію Волги.

²¹⁾ По мнѣнію Чувашъ и Черемисъ, Богъ опредѣлилъ, чтобы каждый народъ говорилъ особымъ языкомъ и исповѣдывалъ особую вѣру, поэтому на землѣ 77 языковъ и 77 вѣръ.

вешки.—отъ сѣти ²²⁾),—отъ трупа (злоба) да удалится (изъ Макара). Если вечеромъ приключилось... (повтореніе).

Наконецъ въ «Сыпан-чильги»—наговоръ противъ вреда, записанномъ тоже со словъ йомзи (въ ядринскомъ уѣздѣ) ***), исполнительница обряда, для приданія большаго авторитета своимъ дѣйствіямъ, вмѣсто старухи *патман карчык*, упоминаетъ, какъ о лицѣ невидимо дѣйствующемъ, о необыкновенномъ старикѣ. Тамъ, въ самомъ началѣ наговора, йомзи заявляетъ, что «*Кўмўль сыуьсыл илттыи шылла шоръ согалла* старик Адыл-орла тинис-орла кизэ сак сыпан чильгинэ вйрэтъ—Сребровласый, влатозубый, бѣлобородый старикъ, пришедши (сюда) черезъ Волгу, черезъ море, этотъ противу-вередный наговоръ совершаетъ».

²²⁾ Слово *т'ра* (*тура*) въ чувашскомъ разговорномъ языкѣ уже не употребляется; турецко-джагатайское *тора* значить: сѣть рыболовная, сѣтка, силокъ; Словарь Будагова, т. I, стр. 387. Въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ киреметямъ, въ обрядѣ *Виль-тавраш*, между прочимъ упоминаются другіе способы порчи или напуска болѣзни. Тамъ говорится: «*Мун киреметь, сырлах! Миньбэ пусресъ онба сырлах! Сорбанба пусрезеи, сьўрўк сыбадаба пусрезеи, кибебэ пусрезеи, сьўсьбэ пусрезеи, ут сылыгыбэ пусрезеи—слиба сырлах!* Главная киреметь, помилуй! Чѣмъ испортили тѣмъ же и помилуй! Если испортили сорбаномъ, —гнилыми лантями, —рубахой, —волосомъ, —лошадиной гривой—тѣмъ же и помилуй!».

***). Наговоръ этотъ доставленъ намъ уже по составленіи 15-го отрывка, именно 18-го сего сентября.

16. СИБИРСКИЕ ШАМАНЫ И ЧУВАШСКИЕ ЙОМЗИ.

Религія, извѣстная подъ именемъ *черной вѣры*, послѣдователями которой считаются почти все инородцы восточнаго края Европейской Россіи, Сибири и даже жители острововъ Тихаго океана, называется иначе *шаманизмомъ* или *шаманствомъ*. При сравнительномъ объясненіи чувашскихъ названій Бога и неба указано на главные основанія ея. *Шаманствомъ* именуется она по названію жрецовъ ея у Тунгузовъ—*шаман*, которое собственно значить «призыватель или заклинатель духовъ». Шаманами могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины; они раздѣляются на старшихъ и младшихъ; послѣдніе не болѣе какъ только ученики и помощники первыхъ. Исполняя жреческія обязанности, они вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняютъ врачей. Къ шаманскому поприщу по большей части приготовляются съ дѣтства, выказывая къ тому, такъ сказать, призваніе разнаго рода бѣснованьемъ, побѣгами въ лѣса, покушеніемъ на самоубійство и т. п.; но нѣкоторые изъ обыкновенныхъ людей обращаются въ шамановъ уже въ зрѣломъ возрастѣ. Для отличія отъ простыхъ людей шаманы-мужчины не стригутъ волосъ, а расчесываютъ ихъ на двѣ стороны и заплетаютъ въ косы, но при шаманствѣ распускаютъ ихъ по плечамъ. Во время исполненія обрядовъ они надѣваютъ одежду особеннаго покроя, увѣшанную разными побрякушками. Необходимую принадлежность якутскихъ и алтайскихъ шамановъ составляетъ бубень, разрисованный разными изображеніями, къ которому простой народъ питаетъ болѣе уваженія и страха, чѣмъ къ самому шаману, вѣря, что въ бубнѣ живетъ духъ—хозяинъ его и что при совершеніи обряда туда собираются духи, призываемые шаманомъ; все части бубна и разрисовка его имѣютъ значеніе; изготовленный бубень освящается особеннымъ обрядомъ; по смерти шамана бубень приѣмливается возлѣ могилы его или съ почетомъ сохраняется въ юртѣ родственниковъ¹⁾.

¹⁾ Алтайско-русскій Словарь, стр. 277, 278. У Якутъ—по словамъ Щукина—при погребеніи шамана кладется съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшаютъ разобран-

Не входя въ объясненіе подробностей исполненія шаманами обрядовъ и имѣя цѣлю указать на происхожденіе чувашскаго названія *йомысь, йомзе, йомзя*, скажемъ только, что въ настоящее время шаманы почти у всѣхъ послѣдователей черной вѣры утратили свое древнее жреческое значеніе и обратились въ ворожей и гадателей, которые есть у всѣхъ народовъ. («Шамановъ имѣютъ—говорить Щукинъ—и ламайскіе Буряты и крещенные Якуты и мы православные, только подъ названіемъ колдуна, ворожей и проч.» ²⁾).

Тунгузскіе Манджуры слово *шаман* произносятъ *саман*. Между тѣмъ у Китайцевъ *шамен* или *шимен* означаетъ только служителя Будды. У Монголовъ призыватель и заклинатель духовъ называется *бюге*, у Самоѣдовъ—*тарыб*, у Остяковъ—*тадыб*, у Киргизъ—*iak* ³⁾. Откуда взято послѣднее названіе—неизвѣстно, но у Киргизъ—остатокъ древнихъ шамановъ, потерявшихъ теперь значеніе жреческое и считающихся знахарями—*баксы* ⁴⁾; это *баксы* есть монгольское *бахиы*—учитель; у Будагова *баксы*—«лекаръ, шаманъ, ворожей, колдунъ.—преимущественно тѣ киргизскіе лекаря, которые имѣютъ сношеніе съ духами или имѣютъ власть надъ ними» ⁵⁾.

У Алтайцевъ шаманъ—*кам*, шаманка—*кам кадыт* ⁶⁾. Слово *кам* тождественно съ чувашскимъ *йомысь, йомзе, йомзя* по измѣненію тюркскаго звука *к* въ чувашскій *й* ⁷⁾; при чемъ чувашское окончаніе съ *или зе, зя* соот-

ный бубенъ. «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 297. У бурятскихъ шамановъ роль бубна исполняютъ почтовые колокольчики. Бубенъ у Алтайцевъ—*тѹнѹр*, у Якутъ—*дѹнѹр*, у Минусинскихъ Татаръ—*тѹр*; у Алтайцевъ—же иначе—*ял*, см. Словарь Будагова, т. II, стр. 133.

²⁾ «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 156.

³⁾ Всеобщее Землеописаніе, по плану Бланка, передѣл. и дополн. Дистервегомъ, т. III, стр. 66.

⁴⁾ «Матеріалы къ изуч. киргиз. нарѣчія» Н. И. Ильминскаго, стр. 87.

⁵⁾ Сравн. Словарь турец. татар. нарѣчій, т. I, стр. 234.

⁶⁾ Алтайско-рус. Словарь, стр. 188; Грамматика Алтайскаго языка, стр. 206; Словарь Будагова, т. II, стр. 25.

⁷⁾ *Кап* кровь—*йон*, *кар* снѣгъ—*йор*, *кал* останься—*йол*, *кыи* ножны—*йан*, см. «Замѣтки для ознаком. съ чуваш.

вѣтствуетъ татарскому и алтайскому *чи*, киргизскому *ши* и означаетъ лицо производящее и вообще занимающееся чѣмъ нибудь (*тимирьсь* кузнецъ, *кѣдѣсь* пастухъ, *сѣльзе* или *сѣззи* портной и т. п.).

Ближе прочихъ названій шамана къ чувашскому *йом-зя* подходитъ якутское *ойон* или *оюн*, такъ какъ у Чувашъ якутскій начальный звукъ *о* иногда отбрасывается⁸⁾. Откинувъ Якутское *о*, получаемъ *йон* или *юн*; звуки же *н* и *м* очень нерѣдко служатъ замѣною одинъ другому въ названіи одного и тогоже предмета въ разныхъ мѣстностяхъ⁹⁾.

По-татарски ворожея—*бакучи* или *багучи*, по-турецки—*бакыджы* (отъ *бак* смотрѣть). У казанскихъ Татаръ ворожея называется еще *кѣрѣмчи* и *кѣрезе* (отъ *кѣр* видѣть)¹⁰⁾. Замѣчательно, что окончаніе послѣдняго названія

нарѣчіемъ», Въмѣсто предисловія, стр. VII и отдѣлъ звуковой § 26, с.

⁸⁾ Для примѣра здѣсь кстати указать на замѣчательное происхожденіе, чрезъ якутскій языкъ, чувашскаго слова *лар* «сидѣть» отъ джагатайско-татарскаго *ултур*, у черневыхъ Татаръ *олтур*, которое, вслѣдствіе выпуска звука *л* предъ *т* (какъ въ чувашскомъ *отмыл* 60 вмѣсто *олтмыл* отъ *олтта* 6), превратилось у казанскихъ Татаръ въ *утур*, у Турокъ, Алтайцевъ и Киргизъ—въ *отур*, а у Якутъ, вслѣдствіе выпуска изъ *олтур* звука *т*, д послѣ *л* (татар. *јулдуз*, чуваш. *сѣулдыр*, якут. *сулус* звѣзда, татар. *бильтыр*, чуваш. *пильдер*, якут. *былыр* въ прошломъ году и т. п.), образовалось *олор*, а изъ него, чрезъ откидку начальнаго звука *о*, у Чувашъ вышло *лар*; изъ джагатайскаго *ултурт* «садить» произошли татарское *утурт*, якутское *олорд*, чувашское *ларт*.

⁹⁾ Какъ наприм. Чувашское *ылдым*, *ылтын* татарское *алтун* золото; чувашское *тѣдѣм*, татарское *тѣтѣн* дымъ и т. п.

¹⁰⁾ Словарь Будагова т. I, стр. 802, т. II, стр. 150; Махмудова, Практич. руководство къ изуч. татар. языка, стр. 114.—У казан. Татаръ волшебникъ, колдунъ, знахарь—*яду*, персидское—*джаду*; а по-турецки и джагатайски *йедѣ*, *йда*—магическій камень, безоаръ, силою котораго вызывается паденіе или прекращеніе дождя или снѣга, оттуда *йдачи* заговаривающій погоду силою *йда*, волшебникъ, колдунъ, знахарь. См. Словарь Будагова т. I, стр. 426, т. II, стр. 351.

вполнѣ соответствуетъ окончанію чувашскаго *йомзе, йомзя*.

Можно предполагать, что, какъ, по измѣненію звуковъ, алтайскій *кам*, чувашскій *йом*, якутскій *ойон, ойун*—тоже самое, что тунгузскій *шам*, такъ и пермійскій *пам*—упоминаемый въ житіи св. Стефана великопермскаго, «кудесникъ, старѣйшина обаянниковъ (начальникъ волхвовъ), сотникъ»—не есть имя собственное, но—слово тожественное съ *кам, йом, ойон, шам*; такъ въ Сказаніи архим. Макарія этотъ кудесникъ называется «*шаманомъ Памъ-сотникомъ*»¹¹⁾. Наконецъ, можно допустить, что и черемисскій *мошан (мужан)*, по перестановкѣ звуковъ *ш* и *м*, образовалось изъ слова *шаман*, а такія перестановки перѣдки во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

У луговыхъ Черемисъ жрецъ называется татарскимъ словомъ *карт*—старикъ, потому что выбирается изъ стариковъ самыхъ опытныхъ, знающихъ всѣ молитвы и порядокъ совершенія религіозныхъ обрядовъ. *Карт* и горно-черемисскій *мужан (мошан)* при совершеніи обрядовъ, подобно сибирскимъ шаманамъ, надѣваютъ особенную одежду, состоящую изъ бѣлаго длиннаго балахона, безъ сборовъ, съ красною нашивкою на груди изъ кумача и съ черною назади изъ сукна, а на голову—высокую изъ бересты шапку. У *картовъ* есть, какъ у шамановъ, помощники—*пямбар*—младшіе жрецы, которыхъ приглашаютъ на свадьбы и при другихъ домашнихъ случаяхъ для принесенія молитвъ¹²⁾.

У Чувашъ *йомзями* бывають какъ мужчины, такъ и женщины. Чувашскіе *йомзи* болѣе, чѣмъ лица того же званія у другихъ инородцевъ, утратили свое древнее жреческое значеніе: нѣтъ у нихъ помощниковъ для вызыванія добрыхъ и заклинанія злыхъ духовъ, нѣтъ особаго костюма, отличающаго ихъ отъ обыкновенныхъ соплеменниковъ ихъ; общественныхъ жертвоприношеній они уже не совершаютъ; въ пророческія предсказанія, которыми *йомзи*, по преданію, когда-то славились, нынѣ они уже не пускаются, такъ какъ къ предсказаніямъ подобнаго рода сами Чуваша давно уже не имѣють слѣднаго довѣрія, да и самый богъ *Пшамбар*, по понятіямъ Чувашъ

¹¹⁾ Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана Епископа Пермскаго, стр. 23 и 54.

¹²⁾ См. 12-й отрывокъ изъ Словаря.

прежняго времени, сообщавшій йомзямъ пророческія видѣнія, превратился уже въ покровителя домашняго скота и укротителя хищныхъ звѣрей¹³⁾.

Въ настоящее время ворожба и гаданія разнаго рода, а также любовные приворотные и отворотные наговоры (*уштаган* и *сивэдэгэнъ* сумахсамъ—возбуждающія жаръ и охлаждающія слова) составляютъ, какъ и у русскихъ «знахарей», самую доходную статью чувашскихъ йомзей. Затѣмъ, йомзей приглашаютъ на свадьбы, на родины и къ больнымъ; здѣсь они также играютъ роль русскихъ «знахарей», предохраняя и избавляя своимъ вліяніемъ и извѣстными имъ наговорами новобрачныхъ отъ порчи, новорожденныхъ отъ сглазу, больныхъ отъ недуговъ. Въ прежнее время, по словамъ Сбоева, йомзя «разбивалъ надъ головою новорожденного два сырыхъ яйца, отрывалъ голову (живому) пѣтуху и выбрасывалъ все это за ворота. Это была неизбѣжная церемонія при трехъ важнѣйшихъ эпохахъ жизни челоуѣка: при рожденіи, бракосочетаніи и при смерти. Чуваши думали, что посредствомъ нея отгоняють шойтана»¹⁴⁾. Въ послѣдствіи же времени роль йомзи на свадьбахъ стала ограничиваться тѣмъ, что когда, послѣ бракосочетанія, молодыхъ вводятъ въ домъ жениха, то йомзя встрѣчаетъ ихъ съ ковшомъ пива и, держа шапку подъ мышкой, «говоритъ привѣтствіе наклонившимся предъ нимъ новобрачнымъ, желая имъ мира, согласія, богатства и вообще всякаго добра»¹⁵⁾. На свадьбахъ равное значеніе съ йомзей имѣетъ, въ глазахъ Чувашъ, пузырщикъ—*шыбырзе*, такъ какъ его *шыбыр* (черемис. *шубуръ*)—пузырь, родъ волынки—есть въ нѣкоторой степени представитель шаманскаго бубна и Чуваши на этотъ музыкальный инструментъ смотрятъ съ такимъ

¹³⁾ См. 12-й отрывокъ изъ Словаря.

¹⁴⁾ «Замѣтки о Чувашахъ», стр. 75.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 36.—Подобная церемонія соблюдается и у Якутъ: при входѣ жениха въ юрту невесты, «шаманъ провозглашаетъ, чтобы онъ (женихъ) былъ зятемъ счастливымъ и прижилъ бы съ женою своею множество дѣтей, размножилъ бы скотоводство и сдѣлался богатымъ челоуѣкомъ». Тоже говоритъ шаманъ при входѣ невесты въ юрту жениха. «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 293.

же уваженіемъ, какъ Алтайцы на бубень своего кама. Недуги, по понятіямъ Чувашъ, какъ и многихъ другихъ народовъ, признаются существами одушевленными, произвольно или по напуску недоброжелателей постигающими и мучащими человѣка до изнуренія или до смерти. Въ наговорахъ, какъ уже было сказано прежде, сглазъ и недуги йомзи изгоняютъ именемъ какой-то необыкновенной старухи—*патман карчык*; на нее же, должно быть, подъ названіемъ *уста* «мастерицы» ссылаются йомзи при совершеніи обрядовъ для приданія своимъ дѣйствіямъ большаго авторитета¹⁶⁾.—Со злымъ духомъ—*шойтан*—Чуваша управляются сами, безъ содѣйствія йомзи, устраивая въ среду и субботу страстной недѣли обрядъ—*калым*, во время котораго изгоняютъ шойтана изъ деревни рябиновыми палками. По прибытіи въ домъ невѣсты большимъ свадебнымъ поѣздомъ, самъ женихъ по назначенному для него мѣсту (покрытому войлокомъ) «трижды ударяетъ нагайкой въ твердой уѣбрренности, что средствомъ этимъ онъ отгоняетъ нечистаго (*шойтана*) отъ пиршества»¹⁷⁾.

Суевѣрныхъ обрядовъ у Чувашъ не много меньше, чѣмъ у русскаго простонародья. Одни изъ нихъ исполняются самими членами семейства по общепринятому порядку, для совершенія же другихъ приглашается йомзи или требуется совѣтъ отъ него.

Молва объ опытности того или другаго йомзи въ совершеніи обрядовъ и о получаемой отъ него пользѣ быстро разносится по окрестнымъ и дальнимъ чувашскимъ селеніямъ, возбуждаетъ большой запросъ на его практику и доставляетъ йомзѣ значительный доходъ и большой почетъ въ обществѣ Чувашъ. Такъ, напр., въ настоящее время проживающая на границѣ ядринскаго уѣзда съ курмышскимъ, въ дер. Вулѣ, шумшевашскаго прихода, вдова *Мати Мигулы карчык*¹⁸⁾ славится умѣньемъ совер-

¹⁶⁾ См. 15-й отрывокъ изъ Словаря.

¹⁷⁾ Замѣтки о Чувашахъ, стр. 33.

¹⁸⁾ Такъ какъ по-чувашски собственное имя лица ставится, съ притяжательнымъ суффиксомъ 3-го лица, по слову отчества (напр. Николай Ивашчъ—*Йыван Мигулы*), то *Мати Мигулы карчык* въ буквальный переводъ значить: старуха Николай Моисѣва; но *Мати* можетъ быть и прозвище (*хожамат*), такъ напр. въ байтериковскомъ

шать разные обряды, въ особенности же известный подъ названіемъ «*Виль-тавраш*». По словамъ мѣстныхъ жителей, она послѣ мужа осталась бѣдною, но теперь считается уже богачкой, получая въ сутки не менѣе 2-хъ рублей чистаго дохода отъ своей практики и пользуясь повсюду—въ домахъ, на базарахъ и питейныхъ заведеніяхъ—почетнымъ приѣмомъ и обильнымъ угощеніемъ: рѣдкую ночь приходится ей ночевать дома, потому что, отпраздновавъ по приглашенію въ одну деревню, она, по окончаніи тамъ своей требы, увозится оттуда въ другое селеніе, такъ что имѣющимъ до нея надобность Чувавамъ иногда приводится долго разыскивать ее по деревнямъ.

Совѣтъ йомзи въ особенности необходимъ въ виду исполненія обѣтовъ, даваемыхъ больными, постигнутыми бѣдствіемъ, притѣсняемыми отъ недоброжелателей и т. п. Это относится не къ однимъ только шаманскимъ жертвоприношеніямъ: но если въ церкви села Ишакъ, или въ другихъ храмахъ, встрѣчается Чувашинь или Чувашка, ставящіе свѣчи, то можно съ увѣренностію сказать, что и здѣсь они дѣйствуютъ по совѣту йомзи во всемъ, т. е. сколько именно свѣчъ, бѣлаго или желтаго воску, въ какую цѣну, какой иконѣ (*тора*) они должны поставить и даже съ какими словами обратиться къ иконѣ. Эти обращенія иногда имѣютъ характеръ наставленій, наприм.: *Асту-га, Мигула-тора!* и т. д. «Смотри же ты, Микола-богъ! Можетъ быть, сосѣдь мой Максимка что-нибудь наговорилъ тебѣ на меня, или станетъ ябедничать: такъ ты его не слушай: я ему ничего худаго не сдѣлалъ и зла не желаю,—самъ онъ—негодяй, хвастунъ и коштанъ¹⁹⁾: онъ тебя не почитаетъ, а только лицемѣритъ; а я, вотъ, тебѣ отъ души свѣчу поставилъ»... и т. п.—По совѣту приходѣ, тетюш. уѣзда, извѣстна семейство (тоже йомзи): старикъ *Ямай Мигулы*, сынъ его *Ямай Симуни*, внукъ *Ямай Йымади*.

¹⁹⁾ Слово *коштан* по своему корню имѣетъ благородное значеніе *адвоката*, ибо происходитъ отъ черемесскаго *коштэм* ходить по дѣламъ п, вѣроятно, первоначально употреблялось у Чувашъ вмѣсто: худа кирэгәнъ—сватъ, ходатай, но въ послѣдствіи, по способу исполненія профессіи, получило значеніе *горлапана* на сходкахъ, *коповода* въ кляузахъ, *міропда* и т. п.

же йомзей Чуваши дѣлають посвященія или *йирих* и, о которыхъ было говорено прежде ²⁰⁾, кладутъ въ дупла или бросаютъ въ священныя озера и къ корнямъ деревьевъ деньги, а равно кидаютъ ихъ въ воду при погребеніи покойниковъ, чтобы послѣдніе на томъ свѣтѣ могли безпрепятственно получать питье. Русскіе же люди время отъ времени ходятъ по подобнымъ мѣстамъ и собираютъ эти деньги въ свою пользу. Можно думать, что также по внушенію йомзей установился въ селѣ Ишакахъ обычай, по которому Чуваши-богомольцы, поставивъ въ церкви свѣчи и положивъ нѣсколько копѣекъ въ кружку часовни (стоящей на улицѣ села), бросаютъ у этой часовни куски хлѣба или такъ называемыхъ калабашекъ, покупаемыхъ тутъ же въ селѣ. Вѣроятно, для предупрежденія небрежнаго бросанія хлѣба, у часовни поставленъ большой открытый ларь; а такъ какъ богомольцы бываютъ ежедневно въ большомъ количествѣ и хлѣба у часовни постоянно много, то собаки и вороны безотлучно находятся поблизости и пожираютъ эти приношенія.

Съ какимъ благовѣніемъ и страхомъ относились Чуваши къ своимъ йомзямъ въ прежнее время и насколько непогрѣшимыми считались ихъ предсказанія, тому можно бы привести множество примѣровъ; но, оставляя ихъ въ сторонѣ, упомянемъ здѣсь только о двухъ случаяхъ.

Лѣтъ около 50-ти тому назадъ, въ одной изъ чувашскихъ деревень прихода села Кошекъ (Чурашево), чебоксарскаго уѣзда, стоялъ на пустырь, заросшемъ травой, небольшой ветхій деревянный амбарчикъ. На спросъ священника объ этомъ зданіи мѣстные жители объяснили, что, по преданію, амбарчикъ этотъ принадлежалъ умершей задолго до того времени старой дѣвкѣ-йомзѣ, что въ немъ живетъ духъ ея и хранится заколдованное имущество, а потому никто не только не можетъ дотронуться до этого зданія подѣ опасеніемъ подвергнуться внезапной смерти, но и не долженъ, проходя мимо, смотрѣть на него, чтобы не быть наказаннымъ слѣпотою. Не смотря ни на какія опроверженія и вразумленія священника, Чуваши, переглядываясь между собою, молчали, пока наконецъ одинъ изъ нихъ тихо и боязливо прошепталъ: «послѣ поговоримъ, пачка». Вскорѣ послѣ того нѣкто-

²⁰⁾ См. въ 14-мъ отрывкѣ изъ Словаря.

рые изъ жителей этой деревни явились къ священнику въ село съ объясненіемъ, что они не смѣли откровенно говорить съ нимъ въ деревнѣ, опасаясь, чтобы тамъ не услыхалъ ихъ духъ йомзи, который вообще тревожитъ ихъ своимъ присутствіемъ и наводитъ невольный страхъ на всѣхъ и каждаго. При этомъ Чуваши просили священника о томъ, чтобы онъ, если дѣйствительно имѣетъ силу и власть отъ Бога, уничтожилъ амбарчикъ и все, что въ немъ находится и навсегда изгналъ изъ ихъ деревни духа йомзи. Священникъ не замедлилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; прибывъ со всѣмъ причтомъ въ деревню, онъ приказалъ причетникамъ разломать дверь амбарчика, вынести изъ него вещи и наконецъ разбросать самое зданіе. На все это Чуваши со страхомъ смотрѣли издали и только тогда приблизились къ страшному мѣсту, когда священникъ, отслуживъ молебенъ и окропивъ мѣсто освященною водою, ободрилъ ихъ краткимъ поученіемъ и пригласилъ приложиться ко кресту. Послѣ того разбросанное зданіе, по настоянію Чуваши, перевезено въ село для топки церковной караулки, а имущество сдано для храненія церковному старостѣ ²¹⁾.

Другой случай. Въ распространенномъ между Чувашинами разсказѣ говорится, что одинъ Чувашинъ пошелъ къ йомзѣ поворожить о томъ, долго ли ему осталось жить на свѣтѣ и получилъ отъ йомзи отвѣтъ: *виссь пузарзан вилень* (трижды испустивши вѣтры умрешь). Въ сильномъ раздумьи и разстройствѣ онъ воротился домой, думая всячески удерживаться отъ такого, какъ говорится, грѣха.

²¹⁾ Имущество это состояло изъ бисерныхъ и оловянныхъ женскихъ украшеній, нѣсколькихъ монетъ временъ Петра Великаго; изъ рубахъ, полотенцевъ и платковъ, шитыхъ, по преданію, самою йомзкою. Все это, въ долженіе 20-ти лѣтъ, утратилось, а рубахи, полотенца и покрывало невьсты (*nũrpenyek*) употреблены причетниками, какъ тряпье, на мытье половъ послѣ перестройки церкви. Въ 1848 году я засталъ цѣлыми только два, вышитыхъ разноцвѣтными шелками, холщевыхъ платка, купилъ ихъ за нѣсколько копѣекъ и доставилъ, вмѣстѣ со сборникомъ чувашскихъ нѣсень, профессору Фатеру: онъ увезъ ихъ въ Германію.

Между тѣмъ необходимость заставила его тотчасъ же ѣхать въ лѣсъ по дрова; тамъ, утомясь во время рубки и укладки дровъ, онъ нечаянно согрѣшилъ и сильно испугался при мысли, что ему только дважды сплоснать остается до смерти. Къ несчастію, при выѣздѣ изъ лѣса поймалъ его лѣсной объѣздчикъ (матросъ) и началъ бить; Чувашинъ съ испуга согрѣшилъ въ другой разъ и перепугался еще болѣе. Наконецъ, близъ деревни лошадь разбѣжалась на косогорѣ, сани раскатились и возъ перевернулся; подымая его, Чувашинъ отъ натуги согрѣшилъ въ третій разъ и въ ужасѣ, сказавши: *пѣтрѣмъ иньде! вильдемъ иньде!* (погибъ ужъ я! уже умеръ я!), изнемогая упалъ на снѣгъ. Въ этомъ положеніи нашелъ его казакъ, распростеръ обо всемъ подробно и, считая отчаяніе Чувашина смѣшною глупостію, принялся стегать его плетью. Чувашинъ вскочилъ на ноги и остался помѣшаннымъ (*милезеръ йольче*).

О бурятскихъ и якутскихъ шаманахъ Щукинъ, между прочимъ, говоритъ, что «Буряты вѣрятъ шаманамъ безусловно, а Русскіе считаютъ ихъ не иначе, какъ людьми знающими съ дьяволомъ» и что «Русскіе столько же вѣрятъ шаману, сколько и Якуты, и даже рассказываютъ (Русскіе), что шаманъ, отрѣзавъ себѣ голову, кладетъ ее на полъ, пошаманивъ же нѣсколько минутъ безъ головы, ставитъ ее на шею и голова тотчасъ приростае»²²⁾.

Съ неменьшимъ довѣріемъ относятся и здѣшніе русскіе простолюдины къ знахарству чувашскихъ йомзей. Изъ множества примѣровъ обращенія русскихъ православныхъ людей за совѣтами къ йомзямъ, расскажемъ здѣсь два случая.

Одинъ случай былъ недавно въ ядрискомъ уѣздѣ и записанъ со словъ *русскаго человека*, проживающаго между Чувашами и занимающагося портняжествомъ. Рассказъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что рассказчикъ *самъ* былъ очевидцемъ того *дѣла*, которое произведено знахарствомъ йомзи и которое избавило его отъ хлопотъ и непріятностей. «Одинъ богатый Чувашинъ—говоритъ портной—позвалъ меня къ себѣ на нѣсколько дней пошить ему кое-чего изъ одежды. Во время моего пребыванія у Чувашина, кромѣ его домашнихъ и одного работника,

²²⁾ «Поѣздка въ Якутскъ», стр. 34 и 281.

постороннихъ никого не было. Случился же на бѣду такой грѣхъ: у хозяина вдругъ пропала порядочная сумма денегъ. Онъ прямо заподозрилъ меня въ этой кражѣ и хотѣлъ—было потянуть къ суду. Не зная за собой такой вины, я и клялся и божился и просилъ меня обыскать, но ничѣмъ не могъ убѣдить хозяина въ моей невинности; наконецъ я самъ предложилъ Чувашину *пхаты омьсть къ какому-нибудь йомзъ поворожить* о пропажѣ денегъ. Приѣхали къ живущей въ аликковскомъ приходѣ *Хведэр-арымъ* (Федоровой женѣ; она тоже славится знахарствомъ, но только дѣйствуетъ гораздо осторожнѣе, чѣмъ Вылинская *Мамъ Митылы карыкы*). Когда приѣхали, я остался во дворѣ, а хозяинъ мой вошелъ въ избу и рассказалъ йомзѣ о случившемся, скрывъ впрочемъ свое на меня подозрѣніе. Тогда она прямо сказала хозяину: «ты—говоришь—подозрѣваешь того человѣка, съ которымъ вмѣстѣ сюда приѣхалъ». Хозяинъ сознался въ своемъ подозрѣніи. «Такъ позови же этого человѣка сюда». Когда я вошелъ въ избу, йомзя получила отъ хозяина 5 копѣекъ, взяла ковшъ воды и велѣла хозяину смотрѣть въ ковшъ. «Что ты видишь въ водѣ?» спросила она.—Вижу амбаръ, конюшню и повѣти—говоритъ хозяинъ—да это все мое строеніе—прибавилъ онъ. «А что ты видишь въ углахъ амбара и конюшни и въ соломѣ на повѣтяхъ?» спросила йомзя.—Вижу какіе-то бѣлые лоскутки—сказалъ хозяинъ. «Эти бѣлые лоскутки—объявила йомзя—твои деньги: ихъ украли у тебя твоя дочь съ твоимъ работникомъ; они уже уговорились обвѣнчаться... А на этого человѣка ты напрасно подумалъ»—дополнила она, указавъ на меня. Воротясь домой, хозяинъ нашелъ свои деньги именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя видѣлъ въ ковшѣ воды. Я, съ своей стороны, такъ этому обрадовался, что, въ благодарность за избавленіе отъ хлопотъ, отнесъ йомзѣ своихъ два цѣлковыхъ—заклучилъ расказчикъ.

Другой случай былъ въ сороковыхъ годахъ въ цивильскомъ уѣздѣ и переданъ намъ лицомъ, заслуживающимъ полного довѣрія. Русскіе, живущіе среди чувашскаго населенія, въ виду продолжительной засухи, сильно повліявшей на произрастеніе травъ и хлѣбовъ, долго толковали между собой: «а дождя-то все нѣтъ какъ нѣтъ! что станемъ дѣлать? хоть бы Чуваша по-своему сдѣлали чук-

лянье (моление), все бы моштитца (может статься) стали перепадать дождичекъ: они, вѣдь, на это дѣки (мастера) — умѣютъ какъ и чѣмъ что нужно вымолить». Нѣкоторые отозвались, что не худо бы «поднять иконы и отслужить въ полѣ молебень»; но продолжительные суевѣрные толки о чувашскихъ чуکلняхъ и о всезнайствѣ йомзей такъ настроили русскихъ мірянъ, что они порѣшили послать къ извѣстному имъ йомзѣ Ибрайкѣ депутацію за совѣтомъ, что предпринять по случаю засухи? Депутаты явились къ йомзѣ, попотчивали его водкой, дали денегъ и стали излагать цѣль своего посѣщенія.

«А сами-то вы что думаете дѣлать?» спросилъ хитрый Чувашинъ.

— Да молебень думали служить — отозвался одинъ изъ депутатовъ.

«Что же — сказалъ Ибрайка: Богу молиться — дѣло хорошее: только толкъ — отъ, полно, будетъ — ли»...

— Ахъ ты, чувашская лопатка! — крикнулъ запальчиво одинъ изъ православныхъ — нешто ты думаешь, что отъ твоего поганого чуکلня будетъ больше толку, чѣмъ отъ молебна?!

«Стой! слушай, — русскій народъ! заговорилъ Ибрайка: теперь, когда вы и меня и чувашскую вѣру обругали, — мое слово уже не можетъ имѣть для васъ никакой силы: сами виноваты — на себя и пѣняйте».

Затѣмъ начался крупный разговоръ, на который сбѣжались сосѣди-Чуваши. Только того и нужно было Ибрайкѣ: при постороннихъ онъ сталъ громко срамить русскихъ депутатовъ:

«У васъ есть свои поны, а вы лезете къ чувашскому йомзѣ спрашивать, какъ молить о дождѣ: стало быть вы и сами понимаете, что чувашская вѣра лучше вашей; убирайтесь отъ насъ — мы васъ не зовемъ въ свою вѣру»...
п пр. т. п.

По возвращеніи депутатовъ міряне пожурили ихъ за неловкое обращеніе съ йомзей, пожалѣли о напрасныхъ расходахъ и махнули рукой. А между тѣмъ Ибрайка, безъ сомнѣнія, воспользовался этимъ случаемъ и, разглашая его повсюду, умѣлъ поднять въ глазахъ Чувашъ значеніе йомзи и старой чувашской вѣры.

Въ виду подобнаго факта у всякаго мыслящаго чело-

вѣка невольно возникаетъ, а въ людяхъ, посвятившихъ себя миссіонерскому служенію, по необходимости должно возникнуть самое искреннее желаніе безотлагательно озаботиться поднятіемъ умственного и нравственного уровня русскаго народа ради правильного просвѣщенія Чувашъ и другихъ инородцевъ.

Выше мы сказали, между прочимъ, что у чувашскихъ йомзей нѣтъ особаго костюма, отличающаго ихъ отъ обыкновенныхъ Чувашъ, каковой, не смотря на утрату жреческаго значенія, еще сохраняется у сибирскихъ шамановъ, камовъ, ойоновъ и у черемисскихъ картовъ и мужановъ. За то, у многихъ Чувашъ, болѣе или менѣе искренно выражающихъ свое пренебреженіе къ старой чувашской вѣрѣ и свою приверженность къ православію, проявляется желаніе прежде всего отличить себя отъ своихъ соплеменниковъ костюмомъ и вообще внѣшностію. Они отпускаютъ длинные волосы, расчесываютъ ихъ на двѣ стороны и разбрасываютъ по плечамъ, носятъ шапку на подобіе клобуковъ, длинные кафтаны въ родѣ подрясниковъ, подпоясываются широкимъ ремнемъ или веревкою, кладутъ низкіе поклоны, словомъ—превращаются въ какихъ то полу-послушниковъ. Этимъ у большинства русскихъ они снискиваютъ себѣ довѣріе, уваженіе и привѣтъ, а у другихъ заслуживаютъ названіе святошъ и ханжей. Чуваша смотрятъ на нихъ подозрительно, относятся недовѣрчиво къ ихъ бесѣдамъ и называютъ ихъ *поп-тавраш*—церковниками. Безъ всякаго сомнѣнія, они, за неимѣніемъ достаточной подготовки, а иногда вслѣдствіе случайно приобрѣтенныхъ отъ русскаго простонародья ложныхъ убѣжденій, не только не приносятъ пользы, но часто, болѣе чѣмъ йомзи, вредятъ дѣлу распространенія между Чувашами христіанскаго просвѣщенія. Самые добросовѣстные изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи оказать такого благотѣльнаго вліянія на Чувашъ, какое, напримѣръ, имѣлъ молодой миссіонеръ-чувашинъ Митрофанъ Дмитріевъ ²³⁾, путешествуя по школамъ, селамъ и деревнямъ въ простомъ чувашскомъ кафтанѣ

²³⁾ По именному Высочайшему повелѣнію, въ 1870 году, освобожденный отъ рекрутской повинности; нынѣ—сверхштатный псаломщикъ и учитель въ школѣ села Абызова ядринскаго уѣзда.

(сукман), или въ лѣтнемъ бѣломъ балахонѣ (шобыр), со скрипкою въ рукѣ, постоянно окруженный толпою старыхъ и малыхъ Чувашъ обоого пола, распѣвая въ домахъ, въ садахъ и на улицахъ молитвы на народномъ чувашскомъ языкѣ, объясняя ихъ своимъ слушателямъ и говоря поученія въ храмахъ даже въ присутствіи самого архипастыря; много благодѣтельныхъ сѣмль забросилъ онъ въ души, заглубившія въ старой чувашской вѣрѣ, много искренняго христіанскаго чувства возбудилъ онъ въ чувашскихъ сердцахъ, съ непритворными слезами слушающаго и прощались съ нимъ старики и молодые и далеко провожали его чувашскіи дѣти. Подобныхъ дѣятелей только и можно называть истинными и самыми страшными врагами старой чувашской вѣры и чувашскихъ юмзей.

